

ДУХОВНЫЕ СТИХИ О ЦАРЕВИЧЕ ИОАСАФЕ: СОСТАВ СЮЖЕТОВ И МЕТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Александр Михайлович Петров

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
11 Пушкинская ул., Петрозаводск, Россия
hermitage2005@yandex.ru

А н н о т а ц и я : В статье рассматривается проблема развития метрических форм цикла фольклорных духовных стихов о царевиче Иоасафе. В качестве вспомогательного материала привлекаются стихи книжной традиции. Цель исследования — проследить эволюцию метрики этих произведений в контексте истории русского стихосложения. Задачи — формирование источниковой базы, распределение текстов по сюжетно-тематическим группам, определение методики работы, анализ фольклорных и книжных вариантов. Методика исследования определена его комплексным характером — на стыке фольклористики, лингвистики и литературоведения. С учетом разнородности материала используются специальные методы для текстов, созданных в рамках разных систем стихосложения: syllabic, tonical, syllabo-tonical. Стихи о царевиче Иоасафе составляют семь сюжетных типов, которые могут быть разделены на метрические группы в зависимости от времени и среды создания. Наиболее ранний известный текст датируется XVI в. и представляет собой свободный нерифмованный акцентный стих. Значительный корпус текстов создается в XVII в. в русле книжной syllabic системы стихосложения: это 8-сложники и 13-сложники, часть из них была освоена фольклорной культурой и потеряла изосиллабизм, сблизившись с тоникой. Книжные тексты XVIII–XIX вв. тяготеют к syllabo-tonical системе, иногда включают полиметрические стихотворные формы. Фольклорные тексты, собранные в XIX в., основаны преимущественно на тонической системе стихосложения (долники, тактовик, акцентный стих), однако по мере продвижения к XX в. в этой области также усиливаются syllabo-tonical тенденции. В XX в. традиция духовных стихов опирается на syllabo-tonical модели, заимствованные из произведений русской классики. Длительная история бытования этого стихотворного цикла находится в целом в русле эволюции русского стихосложения. При этом если в литературной традиции духовных стихов syllabo-tonical последовательно формируется с XVIII в., то в фольклор она проникает сравнительно поздно. Относительно достоверные образцы syllabo-tonical обнаруживаются в фольклорных духовных стихах о царевиче Иоасафе со второй половины XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а : духовные стихи, царевич Иоасаф, стиховедение, фольклорный стих, метрика.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания.

Д л я с с ы л о к : Петров А. Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 88–131.

doi : 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131

U R L : <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/petrov.pdf>

SPIRITUAL VERSES ABOUT TSAREVICH JOASAPH: PLOTS AND METRICAL MODELS

Alexander Petrov

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
hermitage2005@yandex.ru

Abstract: The article considers the problem of the development of metrical forms of the cycle of folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph. Spiritual verses related to the literary tradition are used as supplementary material. The aim of the research is to trace the evolution of the metrics of folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph in the context of the history of Russian versification. The tasks of the research are the formation of a database of texts, differentiation of the texts into thematic groups, selection of method of work, and the analysis of folk and literary variants. The research methodology is determined by its complex nature, being at the intersection of folklore, linguistics, and literary studies. Taking into account the heterogeneity of the material, special methods are used for texts created within the framework of different systems of versification: syllabic, accentual, and syllabic-accentual. The entire corpus of texts consists of seven types of plots and can be divided into metrical groups depending on the time and the environment of their creation. The earliest known text dates from the 16th century; it is a free, non-rhymed accentual verse. A significant corpus of texts was created in the 17th century, in line with the literary syllabic system of versification; these are spiritual verses with 8 or 13 syllables per line. Some of these were assimilated by folk culture and subsequently lost their syllabic equality of lines, becoming close to the accentual system. Literary texts of the 18th–19th centuries are closer to the syllabic-accentual system; sometimes they include polymetric poetic forms. Folklore texts collected in the 19th–20th centuries are based mainly on the accentual system of versification (dolnik, taktovik, accentual verse); however, as we move towards the 20th century, syllabic-accentual tendencies also intensify in this area. In the 20th century, the tradition of spiritual poetry was based on syllabic-accentual models borrowed from the works of Russian classics. The long history

of the existence of this poetic cycle is, in general, in line with the evolution of Russian versification. At the same time, if the syllabic-accentual verse has been formed since the 18th century in the literary tradition of spiritual poetry, then in folklore it spread relatively late. Reliable examples of syllabic-accentual versification are found in folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph from the second half of the 19th century.

Key words: spiritual verses, Tsarevich Joasaph, verse study, folk verse, metrics.

Acknowledgments: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

To cite: Petrov A., 'Dukhovnye stikhi o tsareviche Ioasafe: sostav syuzhetov i metricheskie modeli' [Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 88–131.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-88-131

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/petrov.pdf>

Александр Петров

Духовные стихи о царевиче Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели

В статье рассматривается проблема развития метрических форм цикла фольклорных духовных стихов о царевиче Иоасафе. В качестве вспомогательного материала привлекаются стихи книжной традиции. Цель исследования — проследить эволюцию метрики этих произведений в контексте истории русского стихосложения. Задачи — формирование источниковой базы, распределение текстов по сюжетно-тематическим группам, определение методики работы, анализ фольклорных и книжных вариантов. Методика исследования определена его комплексным характером — на стыке фольклористики, лингвистики и литературоведения. С учетом разнородности материала используются специальные методы для текстов, созданных в рамках разных систем стихосложения: силлабической, тонической, силлабо-тонической. Стихи о царевиче Иоасафе составляют семь сюжетных типов, которые могут быть разделены на метрические группы в зависимости от времени и среды создания. Наиболее ранний известный текст датируется XVI в. и представляет собой свободный нерифмованный акцентный стих. Значительный корпус текстов создается в XVII в. в русле книжной силлабической системы стихосложения: это 8-сложники и 13-сложники, часть из них была освоена фольклорной культурой и потеряла изосиллабизм, сблизившись с тоникой. Книжные тексты XVIII–XIX вв. тяготеют к силлабо-тонической системе, иногда включают полиметрические стихотворные формы. Фольклорные тексты, собранные в XIX в., основаны преимущественно на тонической системе стихосложения (дольник, тактовик, акцентный стих), однако по мере продвижения к XX в. в этой области также усиливаются силлабо-тонические тенденции. В XX в. традиция духовных стихов опирается на силлабо-тонические модели, заимствованные из произведений русской классики. Длительная история бытования этого стихотворного цикла находится в целом в русле эволюции русского стихосложения. При этом если в литературной традиции духовных стихов силлабо-тоника последовательно формируется с XVIII в., то в фольклор она проникает сравнительно поздно. Относительно достоверные образцы силлабо-тоники обнаруживаются в фольклорных духовных стихах о царевиче Иоасафе со второй половины XIX в.

Ключевые слова: духовные стихи, царевич Иоасаф, стиховедение, фольклорный стих, метрика.

Введение. Постановка проблемы

Стиховая организация жанра русских фольклорных духовных стихов, их метрика и ритмика до сих пор не подвергались обстоятельному изучению. Имеется исследование М.Л. Гаспарова, выполненное на небольшом количестве сюжетов и вариантов в сопоставлении с былинной [Гаспаров 1997], однако продолжения оно не получило. Между тем материалы духовных стихов предоставляют в наше распоряжение задокументированные свидетельства развития русского стихосложения на границе книжной и фольклорной культур. В отличие от былин, открытой и записанной достаточно поздно, духовный стих имеет длительную традицию *письменной* фиксации и представляет собой важный источник для изучения эволюции русского стихосложения в целом. Древнейший известный текст обычно относят к XV в., это покаянный стих «Плач Адама» [Панченко 1989: 421]. Однако, по-видимому, такие стихи существовали и ранее, например

Александр Михайлович Петров

Институт языка, литературы
и истории КарНЦ РАН,
Петрозаводск, Россия
hermitage2005@yandex.ru

известна надпись-граффито № 206 XIII в.¹, обнаруженная в новгородском Софийском соборе. Как древнейший русский покаянный стих интерпретирует эту надпись А.А. Гиппиус, исследователь датирует ее второй половиной XII в. [Гиппиус 2017] (см. также: [Николаев 2020: 125]).

Колоссальный массив фольклорных произведений был зафиксирован в XIX–XX вв., хотя, разумеется, значительная их часть не столь надежна в качестве полноценного материала. Процедуру подробной критики текстов, записанных в XIX в., по-видимому, еще только предстоит осуществить специалистам (см. подробнее об этой проблеме: [Петрова 1999]).

К настоящему моменту ясная методика стиховедческого описания фольклорных духовных стихов не разработана. Поэтому в качестве исходной точки мы предлагаем не обобщенный статистический подход, примененный в свое время М.Л. Гаспаровым, а *посюжетный* стиховедческий анализ, с тем чтобы получить представление о каждом элементе разнородного массива этих специфических текстов, вобравших традиции вне-литургических произведений ранней русской лирики XV–XVII вв., книжной силлабики XVII–XVIII вв., фольклорной тоники, поздней литературной силлабо-тоники.

Большим количеством подробных стихотворных фольклорных и книжных вариантов представлены сюжеты, объединенные образом царицы Иоасафы. Среди них есть разнотипные по стиховой структуре: силлабические, тонические, силлабо-тонические, что дает возможность выстроить тексты в хронологическую линию, соотношенную с историей русского стихосложения.

Святой преподобный Иоасаф (память 19 ноября) — герой популярнейшей на Руси агиографической «Повести о Варлааме и Иоасафе», сын язычника, принявший христианскую веру [Лебедева 1985; Муравьев, Турилов 2003: 619].

В русской фольклорной традиции история Иоасафы представлена тремя сюжетами, восходящими к разным книжным источникам. Первый — это переработка «Повести о Варлааме и Иоасафе». Второй (в пространной и краткой редакциях) — «разговор Иоасафы с пустыней, смысл которого в настойчивой просьбе Иоасафы принять его и в столь же настойчивых попытках пустыни представить реальную картину тех трудностей, с которыми царица неизбежно должен будет столкнуться» [Бахтина 2007: 461]. Третий — позднее лирическое произведение, в котором «от лица царицы Иоасафы, обитающего в пустыни,

¹ Нумерация и датировка приводятся по изданию [Медынцева 1978: 150].

перечисляются прелести пустынножительства в сравнении с покинутым миром» [Бахтина 2007: 461].

Известно, что первый фольклорный сюжет восходит к многочисленным версиям переводной древнерусской «Повести о Варлааме и Иоасафе» («древнейшие русские списки датируются XIII–XIV вв.» [Панченко, Адрианова-Перетц 1970: 369]), второй — к книжному покаянному стиху на 8-й глас «Приими мя пустыня...» [Петрова 1987: 42; Петрова, Серегина 1988: 166–170, 392], созданному в северных или северо-западных землях Руси в кругах нестяжательского духовенства [Петрова 1987: 51]. Этот покаянный стих известен с середины XVI в. или даже ранее: «[Н]аиболее ранний из известных ныне списков сохранился в составе рукописи, переписанной в 1557/58 г. в Москве иноком Елисеем Вологжанином и попавшей затем в Кирилло-Белозерский монастырь» [Петрова 1987: 43] (см. также: [Фролов 1976: 168]). При этом с царевичем Иоасафом данный текст стал ассоциироваться позже — с 1637 г., с момента первого издания «Истории о Варлааме и Иоасафе». В приложении к этому изданию содержится «Песнь святого Иоасафа, кгда вышел на пустыню» («Приими мя пустыни яко мати свое чадо...») [Петрова 1987: 41]. Издание было подготовлено в Кутейне в типографии Богоявленского монастыря и содержало перевод повести на белорусский язык, выполненный наместником Могилевского братского монастыря Иоасафом Половко [Там же]. В более ранних списках стиха «Приими мя пустыня...» нет никаких свидетельств связи содержания текста с царевичем, везде «поэтический текст имеет предельно краткое самоназвание типа “Стих”, “Стих покаянный”» [Там же: 48]. В фольклорной традиции стих бытует как монолог и как диалог (разговор Иоасафа с пустыней, тема «искушения красотой» [Федотов 1991: 73]). Предполагается, что диалогическая форма развилась из монологической позже [Соколов 1910] — либо в пределах фольклорной традиции [Никитина 2014: 25], либо все же под влиянием книжных источников, среди которых, в частности, называют покаянный стих «Плач Адама», «Житие» и др. [Кадлубовский 1915: 241].

Что касается третьего сюжета, то он сложился в XIX в. в старообрядческой среде. Стих носит характер подражания силлаботоническим стихотворениям русской классики: «Что за чудная превратность! // Перемену зрю в глазах». Любопытно, что и в этом тексте нет имени царевича Иоасафа, однако, судя по всему, имя фигурирует в самоназваниях старообрядческих списков [Бучилина 1999: 225]. Действительно ли автор стиха соотносил содержание поэтического текста с царевичем, нам неизвестно.

В качестве *материала* для работы выступили тексты фольклорных духовных стихов, опубликованные в сборниках [Бессонов

1861–1864; Селиванов 1991; Бучилина 1999; Гацак 2007; Поздеева 2007; Казанцева 2014; Кузнецова 2015]. Основой для анализа послужили тексты из сборника [Бессонов 1861–1864], остальные публикации использовались для сопоставлений и проверки данных. Фольклористам ценность сборника П.А. Бессонова не представляется безусловной. Этот сборник «не соответствует современным исследовательским запросам, так как для издания были привлечены случайные списки, не указано время возникновения памятников, опущена датировка и “адреса” использованных рукописей, нет самоназваний стихов и т.д.» [Петрова 1987: 40–41]. В ряде случаев неудовлетворительная текстологическая подготовка текстов духовных стихов к публикации приводила к «появлению в ранних собраниях народной духовной поэзии одних и тех же записей, которые могут быть восприняты и воспринимаются как оригинальные варианты» [Петрова 2014: 54]. Однако справедливо и то, что до сих пор собрания XIX в. «остаются основной базой для исследователей духовных стихов и составителей многочисленных антологий» [Там же: 64]. Поэтому, понимая и принимая необходимость источниковедческих работ, касающихся публикаций XIX в., мы все же в качестве вынужденного компромисса на данном этапе работы сочли возможным опереться на сборник Бессонова. Позднейшие публикации, указанные выше, в какой-то мере позволяют верифицировать качество анализируемого материала, хотя и не снимают полностью проблему его достоверности для филологии, истории, стиховедения.

Подчеркнем, что предметом нашего исследования является *фольклорный* стих. Книжные источники привлекаются как вспомогательный материал. В том случае, если книжный текст не подвергся фольклоризации, мы сообщаем о нем лишь самые краткие сведения.

Цель — проследить эволюцию метрики фольклорных духовных стихов о царевице Иоасафе в контексте истории русского стихосложения.

Задачи — формирование источниковой базы, распределение текстов по сюжетно-тематическим группам, определение методики работы, анализ фольклорных и книжных вариантов.

Методика исследования определена его комплексным характером — на стыке фольклористики, лингвистики и литературоведения. Поскольку речь идет о фольклорном стихе, то неизбежен вопрос о его словесно-музыкальной природе. Филологический и музыковедческий подходы к анализу фольклорного стиха дополняют друг друга еще с XIX в. [Штокмар 1952: 78]. Относительно недавно филологом, фольклористом и практикующим сказителем А.А. Маточкиным была предпринята

интересная попытка возродить «музыкальную» теорию применительно к былинам [Маточкин 2012]; музыкально-филологический подход к былине отстаивал М.А. Лобанов [Лобанов 2007].

В нашем случае обратиться за профессиональной консультацией к музыковедам сложно хотя бы потому, что в опубликованных изданиях, как правило, нет достаточных сведений о вокальном исполнении фольклорных духовных стихов о царевиче Иоасафе. В качестве одного из немногочисленных исключений можно назвать сборник современной исполнительницы духовных стихов Полины Терентьевой [Терентьева 2010]. Помимо прочего аутентичного материала, это издание содержит и стих о царевиче Иоасафе с нотным приложением [Там же: 59–63]. Нотный текст покаянного духовного стиха «Приими мя, пустыни» опубликован в статье [Фролов 1976: 169–171].

При обращении к другим сюжетам эти трудности увеличатся многократно. Поэтому в настоящее время стиховедам предстоит серьезная архивная работа по поиску и систематизации сведений не только о *текстах* духовных стихов, но и об их *напевах*. Такие сведения обычно содержатся в рукописях (тетрадках, стиховниках и т.п.), особенно в рукописях старообрядцев, сыгравших огромную роль в создании и сохранении традиции фольклорных духовных стихов, начиная с XVII в. Ценные материалы в старообрядческой среде фиксируются до сих пор [Воронцова 2014]. О творчестве старообрядцев (в том числе об их виршевой поэзии) существует обширная научная литература: см. основательную историографию в [Мурашова 2019], где содержится и богатая библиография [Там же: 204–229], а также [Мурашова 2016].

Предлагаемую статью следует рассматривать как предварительный опыт стиховедческого обследования избранного фольклорного цикла. Возможно, сведения, полученные нами в ходе работы, окажутся бесполезными на каком-то этапе дальнейшего осмысления этого материала.

Часть использованных текстов относится к книжной культуре, и для них признак музыкальной организации не является определяющим (хотя и он важен: силлабические вирши тоже пелись). Ранее был обоснован компромиссный подход — выделение *языкового* метрического инварианта, или текстового аналога, из конкретного вокального (*речевого*) исполнения (см., например: [Бейли 2001: 32–34]). Такие «текстовые аналоги» и напечатаны в фольклорных сборниках. По замечанию Дж. Бейли, «разница между чистым текстовым аналогом и распетым стихом отнюдь не отменяет необходимости изучать отношение между текстом и напевом песни и не предполагает,

что словесный текст важнее напева. Это зависит от уровня, на котором ведется анализ, и от внутренних характеристик изучаемого объекта» [Бейли 2001: 35]. Как отметил К.Ф. Тарановский, «[с]егодня всем ясно, что текст народных песен представляет собой стих, что измерение этого стиха при помощи музыкальных фактов, иногда фиктивных, ни к чему не ведет и что структуру стиха можно и нужно исследовать лингвистическими средствами. Иное дело — вопрос о взаимоотношении языкового и музыкального ритма в народных песнях. Здесь, конечно, сотрудничество лингвиста и музыковеда необходимо, и в слаvistике есть примеры такого сотрудничества, которое уже приносит плоды» [Тарановский 2010б: 523]. В качестве «образцовой» в этом плане Тарановский называет статью Н.С. Трубецкого «О метрике частушки» [Трубецкой 1987], впервые опубликованную еще в 1927 г. Историография, обзор основных направлений, описание методики анализа и исследование песенных текстов представлены в капитальной монографии [Ефименкова 2001].

В настоящий момент анализ материала ведется нами на основе *филологического* подхода, направленного на изучение *словесного текста*. Поэтому в центре внимания не музыкальные, а лингвистические параметры фольклорного стиха, например грамматическая природа слов, образующих стих, силлабический состав строк, проблемы акцентуации словоформ и т.д.

Акцентуация — центральная проблема анализа фольклорной метрики. В каждом конкретном случае решать ее приходится по-разному, но, очевидно, избежать ошибок при составлении разметки невозможно. Ударения в фольклоре подвижны и далеко не всегда совпадают с литературной нормой. Как указал М.Л. Гаспаров, «мотивировка каждого отдельного случая заняла бы непомерно много места» [Гаспаров 1997: 74], от будущих исследователей количественные данные «непреречно требуют пересчета, и результаты этих пересчетов почти заведомо разойдутся с нашими» [Там же]. По-видимому, приходится принять некоторую неопределенность стиховой структуры фольклорных текстов и воспринимать полученные схемы (особенно для неклассического стиха) как некий конструкт, условно коррелирующий с реальностью и сам по себе требующий критического осмысления. Для книжной силлабики проблема акцентуации не менее актуальна: нормы декламации силлабических стихов до настоящего времени не выявлены с исчерпывающей достоверностью [Холшевников 2004: 19–20].

Поскольку изучаемый стих разнороден (это и силлабика, и тоника, и силлабо-тоника), мы используем специальные методы анализа для каждой системы стихосложения. Для силлабики

это количественная оценка слогового состава, выявление типа клаузулы, места цезуры. Для силлабо-тоники — правила, получившие «свой окончательный вид в работах В.М. Жирмунского» [Скулачева 2012: 50]: разметка ударений с учетом всегда ударных, всегда безударных и двойственных слов, выявление типа междуиктового интервала, определение метра (*хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест*). Для тоники (неклассического стиха: *дольник, тактовик, акцентный стих*) — правила, разработанные М.Л. Гаспаровым, не оставившим их задокументированного описания; позднее они были эксплицированы и систематизированы Т.В. Скулачевой [Скулачева 2012].

Исследование опирается на теоретические основы так называемого «русского метода» — лингвостатистического, дескриптивного стиховедения [Казарцев 2017: 76–83]. «Русский метод» включает процесс статистического анализа значительных данных и оперирует большими объемами стихотворного материала. В нашей работе статистически значимого объема текстов нет, поскольку изучается только один тематический цикл в его историческом развитии, при этом основное внимание уделяется фольклорным вариантам, а их не так много, они не исчисляются сотнями и тысячами. Подобный подход был предпринят нами ранее на материале сюжета «Очарованный инок» («Райская птичка») [Петров 2020] и показал, как представляется, достаточную надежность для целей систематизации сведений о гетерогенных и гетероморфных фольклорных текстах.

За пределами настоящего исследования вынужденно остаются вопросы стихотворной *ритмики*, также чрезвычайно важные для «русского метода». В необходимых случаях (например, при обсуждении проблемы переакцентуаций) мы ограничиваемся краткими попутными замечаниями.

Фольклорные духовные стихи анализируются в контексте книжной традиции. Книжные источники выступают своего рода фактором верификации фольклорного материала: в некоторых случаях (особенно для силлабических текстов) истоки метрики фольклорного стиха проясняются только на фоне стоящей за ним книжной культуры. Подобный подход к фольклорному стиху ранее был предложен и осуществлен А.В. Позднеевым на материале лирической песни XVI–XVIII вв. [Позднеев 1971: 40]. Духовные стихи, насколько нам известно, такому анализу не подвергались.

Первые два сюжета (переработка «Повести» и разговор Иоасафа с пустыней) были распределены по *шести типам* А.П. Кадлубовским в работе [Кадлубовский 1915]. Исследователь опирался на доступные ему рукописные и фольклорные источники — по большей части опубликованные в [Бессонов

1861–1964]. Также в качестве основы для этой систематизации выступил труд [Кирпичников 1876], в котором была подробно рассмотрена литературная история сюжета, в том числе на славянской почве.

Первый тип (присвоим ему индекс **A**¹), по А.И. Кирпичникову и А.П. Кадлубовскому, носит условное название «Песнь». Тексты опубликованы в сборнике Бессонова под № 64, 65, 66, 67, 68, 69, 177, 178 (рукописно-книжная традиция) и № 61, 62, 63 (фольклорные варианты). Стихи этого типа начинаются словами «О прекрасная Пустыня, // Приими мя въ свои частины» либо какой-то близкой по звучанию инициальной формулой. В текстах этого типа лирический герой просит пустыню принять его для свершения аскетического подвига.

Второй тип (B) назван Кирпичниковым и Кадлубовским «Молитва» («Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща») [Кадлубовский 1915: 227]. Варианты см. в сборнике Бессонова, тексты № 73, 74, 75.

Третий тип (C) — «краткое изложение жития Варлаама и Иоасафа на основании, вероятно, повести об их жизни» [Кадлубовский 1915: 228]. Это литературное стихотворение, написанное силлабическим 13-сложником; фольклоризации не подверглось, у Бессонова опубликовано под № 59.

Четвертый тип (D), по Кирпичникову и Кадлубовскому, — «Монастырская песня» [Кадлубовский 1915: 231]. «В ней повествуется о старце, принесшем царскому сыну драгоценный камень; следует описание достоинств камня: удобнее (легче) солнце взять рукою, чем оценить этот камень; далее — объяснение (камень — Христос); царевич стремится в пустыню за старцем; просьба царевича к пустыне — довести до старца; пустыня устрашает Иоасафа трудностью пустынножития; он выражает желание жить так, как пустыне угодно, и молится о своем соединении с Варлаамом» [Там же: 229]. В сборнике Бессонова фольклорный вариант опубликован под № 176.

Пятый тип (E) назван Кирпичниковым и Кадлубовским «Диалог». Фольклорные версии опубликованы Бессоновым под № 45–55, 58; книжные — под № 56, 57. Этот наиболее распространенный в фольклорной традиции тип сюжета о царевице Иоасафе представляет собой диалог царевича и пустыни [Кадлубовский 1915: 231]. «Все внимание сосредоточено в этом стихе на одном моменте легендарной биографии Иоасафа, на моменте вступления его в пустыню» [Там же].

¹ Здесь и далее условный буквенный индекс используется для удобства ориентировки в сюжетных типах только в пределах данной статьи.

Наконец, *шестой тип* (F) выделен самим Кадлубовским на основе нового материала, неизвестного в свое время Кирпичникову. Этот тип назван «Северным стихом». Единственный текст записан А.В. Марковым в 1899 г. в с. Нижняя Зимняя Золотица, на Зимнем берегу Белого моря от крестьянки А.М. Крюковой [Кадлубовский 1915: 233]. Вариант «пересказывает целое житие Иоасафа» [Там же], впервые опубликован в приложении к статье Кадлубовского, перепечатка имеется также в [Селиванов 1991: 148–153].

Третий сюжет (от лица Иоасафа воспевается радость новой жизни в пустыне; обозначим его индексом G) имеет позднее старообрядческое происхождение (по-видимому, вторая половина XIX в.) и начинается словами «Что за чудная превратность, // Перемену зрю в глазах» [Бахтина 2007: 461], иногда печатается под названием «Стих Иоасафа царевича о лишении мира» [Бучилина 1999: 225]. Стихотворение атрибутируется одному из деятелей старообрядчества Никите Семенову [Максимов 1877: 441–445]. В нашем распоряжении имеется несколько вариантов (см., например: [Бучилина 1999: 225–227; Кузнецова 2015: 605]), все они сложены в традициях силлабо-тоники. Стих фольклоризировался и бытовал в устных вариантах. Он был распространен очень широко: записывался как на Русском Севере, так и, например, в Нижегородской губернии [Бучилина 1999: 227]. Наиболее ранняя известная нам публикация осуществлена С.В. Максимовым в 1877 г. [Максимов 1877: 443–445], хотя, возможно, стихотворение было написано еще раньше. В статье Кадлубовского этот стих как часть Варлаам-Иоасафского цикла не упоминается, что вполне объяснимо: Кадлубовский мог знать этот текст, но едва ли связывал его с царевичем Иоасафом.

Стиховая организация сюжетов и их типов

A. Первый тип под названием «Песнь» возник, по-видимому, не позднее XVI в. [Петрова 1987], также указывался XVII в. [Кирпичников 1876: 183–184]. Публикация наиболее раннего списка стиха по рукописи XVI в. предпринята в статье [Фролов 1976: 168–169]. Более поздний датированный 1637 г. список этого же текста опубликован Бессоновым под № 67 по печатному изданию «История... о житии... Варлаама и Иоасафа». Текст, изданный С.В. Фроловым, уже был обследован в работе [Герасимова-Персидская 1985]. Н.А. Герасимова-Персидская не обнаружила в нем «явных признаков стиховости», но отметила нерегулярную ритмичность [Там же: 334]. Длина строки колеблется от 7 до 8 слогов с редкими 4-сложными строками [Там же]. Этот стих пелся, его определяют как «интересный

образец синтеза знаменных попевок с элементами лирической протяжной песни» [Фролов 1976: 171]. По-видимому, он представляет собой неравнострочную *тонику*, нечто вроде свободного нерифмованного акцентного стиха, в котором границы строк задаются напевом.

Рассмотрим *рукописные версии*, опубликованные Бессоновым под № 64, 65, 66, 68, 177, 178¹. Они датируются XVII в. или более поздним временем [Кадлубовский 1915: 226]. В их основе лежит уже *силлабическая* система стихосложения, причем рифмы характеризуются как «иногда и очень несовершенные», «стихи еще неровные, но по большей части 8-сложные» [Там же].

Продemonстрируем методику анализа на примере одного варианта (общие данные по всем вариантам приводятся в отдельных сводных таблицах 3 и 4). Полные данные по силлабическому составу текста, опубликованного Бессоновым под № 64, представлены в таблице 1.

Таблица 1

Силлабическая структура варианта № 64

Кол-во слогов	Пример	Кол-во строк	%
7	Аще свѣтлы, но тлѣнны	4	6,1
8	О прекрасная пустыня	56	84,8
9	Пустыня моя, прими мя	4	6,1
10	Прими мя во свою частыню	1	1,5
12	О прекрасная пустыня, прими мя	1	1,5
		66	100

Перед нами силлабический 8-сложник (количество 8-сложных строк составляет 84,8 %). Это один из классических типов силлабического стиха, заимствованный из польско-украинской литературной традиции [Гаспаров 1984: 30]. Равносложность если и нарушается, то редко; слоговой объем строк выдерживается от 7 до 9; 10- и 12-сложные строки воспринимаются как структурные аномалии. При этом имеются признаки подражания цезурированному ритму: 8-сложник, хотя и не всегда, распадается на два полустишия 4+4: «Любимая / моя мати!», «На царскія / вся палаты», «Не будетъ мя / искупляти», «А ризы же / и чертоги», «Сего ради / оставляю» и т.д. Имеются редкие случаи, когда словораздел разрезает словоформу: «Славы и че / сти премногихъ».

¹ Текст № 69 с примечанием «Переписан царем Иваном Вас. Грозным в Ярославле» не был включен нами в выборку.

Константным признаком силлабических виршей является женская клаузула — наследие польского стихосложения, хотя, по данным Гаспарова, «строгим правилом это не являлось» [Гаспаров 1984: 30]. Ниже представлена типология клаузул по данным варианта № 64 (таблица 2).

Таблица 2

Типология клаузул варианта № 64

Клаузула	Кол-во	Пример	%
Мужская	3	И жити в тебѣ всегда радѣ	4,5
Женская	63	Егда пойду в твои лѹзи	95,5
	66		100

Классификация клаузул в силлабических стихах — очень сложная проблема. Это связано с трудностью чтения таких текстов, с трудностью постановки ударений. До сих пор не вполне ясны правила поэтической декламации в XVII–XVIII вв.: ударения могли переноситься искусственно, с выравниванием всех рифм в женские [Гаспаров 1984: 48], или же «в силлабической скандовке каждый слог произносился с повышенной отчетливостью, и равноударная рифма слышалась как “тѣбѣ–нѣбѣ”» [Там же] (также см.: [Берков 1968; Панченко 1968]). При этом силлабические вирши не просто читались вслух или «про себя», но и пелись. По замечанию А.М. Панченко, «силлабические стихотворения звучали в храмах, в декламациях использовались праздничные песнопения, отдельные монологи чередовались с ирмосами, то и другое исполнялось певчими церковного хора» [Панченко 1973: 217]. В сборнике Бессонова иногда указаны ударения: «Отъ вѣтрняго мала дѹха // Трясущися от въздѹха» (№ 177); «Мене грѣшнаго сподоби // И вѣчныхъ мукъ освободи» (№ 177). Кадлубовский уверен в регулярном переносе ударений на предпоследний слог для соблюдения женской клаузулы, поскольку переработки и редакции исследуемого текста «принадлежат, очевидно, лицам, вошедшим во вкус южно-русского силлабического стихосложения» [Кадлубовский 1915: 227]. Однако имеются и примеры, когда перенос ударения невозможен: «его вѣк», «прекрасный сад» и т.п. В этом случае образуется мужская клаузула. Вслед за Кадлубовским, мы все же склонны считать, что искусственный перенос ударения на предпоследний слог в этом стихе имел место.

Любимая / моя мѹти!
 Потщися мя / воспрѣяти
 Во тихое / пристанище,
 Безмолвное / нѣдро своѣ;

Единъ въ пустыни / пребыва́я,
И въ день, и в ночь / работа́я.
Сего бо свѣ / та прелѣсти
Душу хотя́ть / во ад свѣсти [и т.д.]

В стихе используется преимущественно парная рифмовка. С современной точки зрения многие рифмы неточны, однако для силлабических виршей XVII–XVIII вв. такая техника рифмования была вариантом нормы [Жирмунский 1975: 401]. Она восходит к южной силлабической традиции, куда ранее проникла из Польши. В духовном стихе рифмуются существительные и прилагательные, глаголы и местоимения; принцип морфологического параллелизма и соблюдается, и нарушается; рифмы используются и двусложные, и односложные. Рифмуются не только «пустыня–частыню», «сад–рад», «прельщает–поставляет», «прибегаю–желаю», но и «чадо–благо», «кедровья–зеленое», «палаты–взира́ти–помага́ти–искупля́ти», «чертогов–премногих», «ветра–лета», «страхом–врагом». Последнее может свидетельствовать о произношении [г] как фрикативного. В вариантах № 177 и 178 используется более точная рифма «страхом–прахом».

Представим обобщенные данные по результатам анализа всех текстов типа А рукописно-книжной традиции, опубликованных Бессоновым под № 64, 65, 66, 68, 177, 178.

Таблица 3

**Силлабический состав стихов типа А
рукописно-книжной традиции (№ 64, 65, 66, 68, 177, 178)**

Кол-во слов	Пример	Кол-во строк	%
5	Вся суетная	1	0,3
7	Всѣмъ сердцемъ желаю тя	15	4,8
8	Отъ всѣхъ суетныхъ изми мя	261	84
9	Пустыня моя, пріими мя	28	9
10	Скитаяйся на самъ на единъ	3	0,9
11	Древа, цвѣты, вертоградцы новыи	2	0,6
12	О прекрасная пустыня, пріими мя	1	0,3
		311¹	100

Обобщенная типология клаузул представлена в таблице 4.

¹ В варианте № 66 двадцатая строка обрывочна и не учитывалась нами при подсчетах. В этом же варианте рефрен «О прекрасная пустыня» повторяется через каждые две строки, поэтому общее количество строк здесь не 23, а 28.

Таблица 4

**Типология клаузул стихов типа А
рукописно-книжной традиции (№ 64, 65, 66, 68, 177, 178)**

Клаузула	Кол-во	Пример	%
Мужская	17	Маловременный его вѣкъ	5,5
Женская	294	Должен плакати: мой Бóже!	94,5
	311		100

Таким образом, рукописно-книжные версии сюжета типа А представляют собой цезурированный силлабический 8-сложник (таких строк в шести вариантах набралось в совокупности 84 %) с незначительным слоговым варьированием: количество 7-сложных и 9-сложных строк в сумме составляет 13,8 %.

В большинстве случаев соблюдается женская клаузула стиха (94,5 %). Иными словами, переписчики придерживаются традиционной еще для польской силлабики техники версификации, хотя (очевидно, под влиянием грамматики русского языка) избежать отклонений не удастся. Однако в том, чтобы зарифмовать все строки насквозь при помощи женских клаузул, по-видимому, нет необходимости.

Относительно недавно были опубликованы списки этого стиха, обнаруженные в рукописях, датируемых 20–30-ми гг. XIX в. (см.: [Поздеева 2007: 195–196, 236], № 52, 67). Они были собраны от старообрядцев Верхокамья. Тексты сопровождаются указаниями на разночтения в многочисленных списках. Восьмисложность строк выдерживается непоследовательно. В варианте № 52, для которого приведены разночтения по 14 рукописям, восьмисложных строк 30 из 55 (54,5 %). Например:

Всегда мя врагъ прелещает,
своя сѣти поставляет.
Ѡ, прекрасная пустыня,
Ѡ всех суетных изми мя,
Но азъ к тебѣ прѣбегаю
и жити в тебѣ жалаю.
[Поздеева 2007: 196]

Возможно, переписчики и читатели таких духовных стихов не всегда осознают их прежний изосиллабизм. Например, в тексте № 67 силлабический строй «расшатан» до тоники, проступают традиции молитвословного стиха.

Ѡ Вл<a>д<ы>ка Ц<a>рю,
насладиль мя
еси земнаго бл<a>га

И не лиши мя
Небеснаго Царьствїя Твоего.
[Поздеева 2007: 236]

Фольклорные версии опубликованы Бессоновым под № 61, 62, 63. Они исполнены и записаны в XIX в. Пометы издателя «записано со слов» и «тоже», конечно, не внушают оптимизма, но условно примем эти тексты за устные народные. Ударения не расставлены, ритмический рисунок неясен. Силлабические отличия от рукописных редакций представлены в таблице 5.

Таблица 5

Силлабический состав стихов типа А фольклорной традиции (№ 61, 62, 63)

Кол-во слогов	Пример	Кол-во строк	%
6	И оставлю весь міръ	3	2
7	Всѣмъ сердцемъ желаю тя	13	8,7
8	Отнюдь не хочу взирати	92	61,7
9	На царскія палаты златы	24	16,1
10	Научи мя на всякое благо	13	8,7
11	Отъ суетнаго прелестнаго вѣка	3	2
14	Отъ всѣхъ искушений меня грѣшнаго соблюди	1	0,7
		149	100

Равносложность, как хорошо видно из таблицы, существенно расшатана: количество 8-сложных строк падает на 22,3 %: с 84 до 61,7 %. На 11 % вырастает количество 7- и 9-сложных строк: с 13,8 % в рукописно-книжных редакциях до 24,8 % в фольклоре. Даже количество «аномальных» 10-сложных строк увеличивается почти на 8 %. Таким образом, отклонения от силлабического 8-сложного инварианта очень заметны, хотя необходимо учесть, что в сборнике Бессонова напечатаны «текстовые аналоги» фольклорных произведений. Возможно, при устном исполнении происходило какое-то силлабическое выравнивание, однако сейчас об этом можно только гадать. В опубликованном виде это тонические тексты, с 2–4 ударениями в строке, обычно строки трехударные. Расшатывание силлабики до тоники в принципе может сигнализировать о фольклоризации книжных текстов.

В таблице 6 представлена типология клаузул. Приняв за основу предположение о фольклоризации, мы расставили ударения по языковым словарным нормам¹ без унификации строк по жен-

¹ Очевидно, что для фольклорного языка такой способ трудно назвать корректным, но для этих текстов прочие способы (например, соотнесение фольклорной записи с диалектом местности или диалектом исполнителя) недоступны.

ской клаузуле. Отсюда взрывной рост мужских и дактилических окончаний и даже появление гипердактилических.

Таблица 6

Типология клаузул стихов типа А фольклорной традиции (№ 61, 62, 63)

Клаузула	Кол-во	Пример	%
Мужская	21	Всегда азъ тя благодарю	14,1
Женская	97	Здѣ хочу пребыти своя лѣта	65,1
Дактилическая	28	И тако начну плакати	18,8
Гипердактилическая	3	Вѣка маловре́мяннаго	2
	149		100

Едва ли можно согласиться с Кадлубовским в том, что в народных версиях «рифма большею частью уже разрушена» [Кадлубовский 1915: 227]: для подобного заключения нет достаточных оснований. Парные рифмы сохранены, концовки строк в целом служат своего рода опорой для стиха. Правда, стилистика этих текстов может вызвать сомнения в том, что тексты эти фольклорные: они больше похожи на книжные, с церковнославянизмами наподобие «азъ», «хочу», «ночь» и многих других. Если эти варианты и были записаны «с голоса», то, очевидно, от очень грамотных исполнителей.

В сборнике [Кузнецова 2015] опубликован интересный фольклорный вариант этого стиха, записанный краеведом И.М. Дуровым в с. Сумпосад Беломорского района Карелии в 1935 г. [Там же: 150–151, 605]. Ударения расставлены собирателем, при этом акцентный рисунок в сравнении с силлабическими виршами совсем другой: акцентуация приближена к языковым нормам, без искусственных переносов. Изосиллабизм здесь не соблюдается: 8-сложных строк всего 42,5 %; 7-сложных — 25 %, 9-сложных — 15 %, остальные совсем редки или единичны. Стих урегулирован по количеству ударений: проверка по этому параметру обнаружила, что это дольник с парной рифмовкой и преобладанием трехударных строк, их 62,5 %, например: «Бросить в пропасти тѣмны», «Во палату твою избраную» [Там же: 150]. Двухударные строки составляют 15 %: «Небѣснаго цярства», «Не хоцю взирати», четырехударные — 20 %: «На цярския всї палаты златы», «Душу хотят во ад свести» [Там же] и т.п. Исключительная шестиударная строка (2,5 %) возникла в результате ошибки: «От мала ветра пробуду здѣ(сь) свой летá» [Там же] вместо правильного «Зыблются малыми ветры. // Пребуду зде своя лета» [Бессонов 1861, I, 1: 243, № 62]. Преобладают женские клаузулы: «В дальной и дикой цястыни» [Кузнецова 2015: 150]. Таким образом, в основе этого варианта лежит уже тоническая система стихо-

сложения, связь с книжной силлабикой практически утрачена.

В. «Молитва». Автор стихотворения Симеон Полоцкий [Панченко, Адрианова-Перетц 1970: 111–115]. Варианты опубликованы в сборнике Бессонова под № 73, 74, 75. Все три принадлежат книжной традиции, № 75 извлечен из состава московского издания «Исторіи или повѣсти о преподобныхъ отцѣхъ Варлаамѣ и Иоасафѣ» 1681 г. (также указывается 1680 г. [Там же: 369]). Начальные строки духовного стиха представляют собой формулу молитвословия: «Боже Отче всемогущій, // Боже Сыне присносущій» и т.д. Таким образом, традиция бытования этого сюжетного типа восходит к XVII в. Стихотворение было популярно среди старообрядцев, распространялось в многочисленных списках еще с начала XVIII в., входило в круг стихов, предназначенных в том числе для пения. Например, старообрядцы Выга исполняли стих «Боже Отче всемогущій...» на тот же напев, что и стих «Европа ты славнейшая...» [Панченко 2013: 220]. Источники указывают на широкое распространение стиха в старообрядческой культуре в XIX в. [Поздеева 2007: 94, 323–326; Казанцева 2014: 222–226, 345]. Насколько «фольклорными» являются эти тексты, вопрос открытый, по видимому, их следует относить все же к рукописной книжности.

В подстрочных примечаниях к № 73 Бессонов приводит различия с устными вариантами, записанными в Симбирской губернии и в Москве [Кадлубовский 1915: 228], однако эти различия крайне немногочисленны и отмечены все той же книжной стилистикой.

Приведем сведения о структуре книжных версий (на основе вариантов № 73, 74 и 75 у Бессонова).

Таблица 7

**Силлабический состав текстов книжной редакции
сюжетного типа В**

Кол-во слогов	Пример	Кол-во строк	%
4	Въ свѣтломъ небѣ	1	0,3
7	Егда мя въ міръ прельщаютъ	5	1,7
8	Звѣрей дивихъ азъ боюся	272	94,4
9	Страшнїи, иже зли безъ мѣры	8	2,8
10	Желаю же Варлаама зрѣти	2	0,7
		288	100

Таким образом, этот сюжет бытовал в форме правильного це-зурированного 8-сложника (4+4), незначительные отклонения

объясняются ошибками переписчиков. Например, в варианте № 73 две строки подряд: «И по смерти да съ нимъ пою славу (10 слогов) // Въ свѣтломъ небѣ (4 слога)» — это искажение правильного «И по смерти / да с нимъ тебѣ (8 слогов) // Пою славу / въ свѣтломъ небѣ (8 слогов)», на что указал Бессонов в подстрочном примечании.

Что касается клаузулы, то здесь исключений нет: в 100 % случаев используется женская клаузула. Имеются случаи искусственного переноса ударений для сохранения рифмы, но они единичны. Например: «Звѣрей дикихъ / азъ боюся, // Но на Христа / надѣюся» (№ 74).

С. Текст № 59 в сборнике Бессонова. Это силлабический 13-сложник с цезурой после 7-го слога (она может варьироваться: мужская, женская и дактилическая), женской клаузулой и парной рифмовкой, типичный для поэзии XVII в. [Гаспаров 1984: 30]. Случаи фольклоризации неизвестны. Наиболее ранняя публикация, по всей видимости, датируется 1680 г. Это стихотворение входило в состав уже упомянутой «Исторіи или повѣсти о преподобныхъ отцѣхъ Варлаамѣ и Иоасафѣ» [Кирпичников 1876: 179]. Его автор также Симеон Полоцкий [Там же; Панченко, Адрианова-Перетц 1970: 369].

Стихотворение состоит из 77 строк, структурные признаки стиха соблюдаются неукоснительно, ударения в окончаниях предцезурных полустихий расставлены нами с опорой на работу [Зализняк 2014].

Приидите вѣрніи (7д) / людіе, внушіте (6ж),
Дивная имамъ рѣщи (7ж), / умилно судите (6ж).
Велію любовь явлю (7м) / Бога всевелика (6ж),
Како предивнѣ възска́ (7м) / спасти человекá (6ж),
Человекá не прѣста (7ж), / отъ царя рождѣна (6ж),
Иоасафа, лицѣмъ (7м) / вельми уобрѣна (6ж). [И т.д.]

Д. «Монастырская песнь». № 176 у Бессонова. Варианты для сопоставления опубликованы в [Кузнецова 2015] под № 4 и 120 [Там же: 37–38, 208–209].

Проблема стихотворной структуры произведений этого сюжетного типа в свое время вызвала полемику: по Кирпичникову, это силлабо-тонический трехстопный хорей [Кирпичников 1876: 185], по Кадлубовскому — силлабический стих с регулярным чередованием строк, разных по количеству слогов: «По форме он разбит на строфы, по 5 стихов каждая; первые три стиха строфы почти всегда 6-сложные, четвертый большею частью 7–8-сложный, а пятый — очень короткий, большею частью имеет три слога. Такая правильность указывает на ту же искусственную школу силлабической версификации» [Кадлу-

бовский 1915: 229]. И здесь же в подстрочном примечании: «Я не понимаю, почему Кирпичникову казалось, будто этот тип стиха “составлен правильным трехстопным хореем”» [Там же]. Исследователи отмечают позднее происхождение этого стиха, но без конкретизации [Кирпичников 1876: 185]. В издании [Бучилина 1999] опубликован вариант стиха с указанием, что он обнаружен в рукописном сборнике «Канты» второй половины XVIII в., хранящемся в РГБ [Там же: 222–224]. Обратимся к имеющимся текстам. Вариант № 176 у Бессонова приведен по рукописному источнику. Это книжный стих, но, судя по помете «2» (т.е. «повторяется дважды») около некоторых строк, он мог исполняться на мелодию и варьировался, подобно фольклорному произведению. Ни в этом, ни в других вариантах нет рифм, это белый стих. Клаузулы в этом и других вариантах в большинстве строк женские. Некоторые строки разрушены, форму стиха можно восстановить благодаря указаниям Бессонова на различия с другим вариантом (записанным в Нило-Сорской пустыни). Вот начало текста.

Бессонов, № 176

Изъ пустыни старецъ (6 сл.)
 Въ царскій домъ приходитъ (6 сл.)
 Онъ принесъ с собою (6 сл.)
 Прекрасный камень (5 сл.)
 драгій (2 сл.).

Вариант к № 176

Изъ пустыни старецъ (6 сл.)
 Въ царскій домъ приходитъ (6 сл.)
 Онъ принесъ с собою (6 сл.)
Толь прекрасный, прелюбезный (8 сл.)
Камень драгій (4 сл.).

По-видимому, стихотворная форма в правом столбце действительно ближе к оригинальному сочинению, тем более что она же воспроизводится и в большинстве строк варианта № 176 (а также в более позднем варианте [Кузнецова 2015: 37–38]). Всего вариант № 176 состоит из 13 строф, каждая из которых открывается 6-сложной строкой и замыкается 3-сложной (в двух случаях 4-сложной, последняя строка в стихотворении 2-сложная). Композиционные швы прозрачны, приведем пример идущих подряд двух строф, выбранных произвольным образом (в скобках справа указано количество слогов в строке):

Остался царевичъ (6)
 Послѣ Варлаама, (6)
 Завсегда стал плакать: (6)
 «Не хочу я пребывати (8)
 безъ старца. (3)
 Оставлю я царство, (6)
 Иду во пустыню, (6)
 Взыщу Варлаама, (6)
 И я буду свѣтозарень (8)
 Отъ него». (3)

На первый взгляд, перед нами силлабический текст, пусть и с несколько витиеватым, затейливым строением строк. Очевидно, в полемике о силлабике и силлабо-тонике прав Кадлубовский, однако, на наш взгляд, эта проблема не так проста. У Кирпичникова действительно были основания видеть здесь трехстопный хорей, хотя бы интуитивно. Чтобы в этом убедиться, достаточно проверить распределение ударений и междударных интервалов в каждой строке стиха. Подсчеты показали, что в 87,7 % случаев строки совпадают именно с хореем. Представим результаты в таблице 8.

Таблица 8

Совпадение с силлабо-тоническими метрами строк варианта № 176, тип D

Совпадение с метром	Пример	Кол-во строк	%
Хорей	В ца́рский до́мъ прихо́дитъ	57	87,7
Ямб	Онъ ны́нѣ пребыва́етъ	7	10,8
Дактиль	Цѣ́ну егó	1	1,5
		65¹	100

Большинство строк совпадает с трехстопным хореем: «Какъ на свѣтъ явилъся» (X3), но имеются немногочисленные четырехстопные строки: «Не хоцѹ я пребыва́ти (X4)».

Многие «хореические» строки содержат переакцентуацию (метрический перебой, чаще на первой стопе):

А купе́ць премудры́! (X3)
Скажи́ мнѣ́ всю та́йну (X3 с перебоем)

Обратим внимание, что и такие строки, как «Царе́вичъ дивилъся // Оде́ждѣ́ пусты́нной», — это не двухстопный амфибрахий, а трехстопный хорей, деформированный двумя переакцентуациями подряд: *царе́вич, оде́жде*. Хореический ритмический рисунок поддерживается всем контекстом стиха, уже следующая строка звучит так: «Варла́амъ сказа́етъ», с возвращением к трехстопному хорее.

В нашем распоряжении имеется очень поздний песенный фольклорный вариант сюжетного типа D, записанный в 1961 г. (опубликован в [Кузнецова 2015: 37–38] под № 4). Имеется и аудиозапись этого варианта (нотная расшифровка в [Там же: 765–766]), благодаря которой можно уточнить спорные вопросы акцентуации. Например, в этом варианте исполнительница поет не «Ка́мень дра́гий», а «Ка́мень драгий», с ударением

¹ В публикации Бессонова 53 строки, поскольку завершающие каждую строфу короткие 3- и 4-сложные строки не учитывались и считались частью предыдущих. Мы выделили их вслед за Кадлубовским в качестве отдельных строк, поэтому в нашей разметке общее число строк 65.

на окончании. Имеется и пример трансакцентуации для поддержания хореического ритма: «*Когда ты возмо́жешь // Небеса́ измерить*». Здесь перенос ударения на ненормативное место зафиксирован у союза «когда». Этот опубликованный вариант требует подготовки к стиховедческому анализу: необходимо тщательно разбить его на строки. Ориентируясь на бессоновскую публикацию и метроритмический контекст данного стиха, мы позволили себе несколько конъектур. Строки «Иосаф царевич просит Варлаама» [Кузнецова 2015: 37], «Я увижу и спознаю цену ему», «Удобее можешь солнце взять рукою», «Когда ты сможешь небеса измерить», «Пустыня драгая, отведи до старца», «Пустыня сказала отроку младому», «Завсегда надо быть в молитве и посте» [Там же: 38] мы разбили на две: «Иосаф царевич // Просит Варлаама», «Я увижу и спознаю // Цену ему», «Удобее можешь // Солнце взять рукою», «Когда ты сможешь // Небеса измерить», «Пустыня драгая, // Отведи до старца», «Пустыня сказала // Отроку младому», «Завсегда надо быть // В молитве и посте». Прозаическая строка «Иосаф просился в пустыню, Варлаам отказал. Все же пошел» [Там же] была исключена из базы данных. Таким образом, вместо 31 строки в публикации мы получили 41 строку.

Подсчеты показывают, что это хорей (строки, совпадающие с хореем, составляют 75,6 %). Результаты представлены в таблице 9.

Таблица 9

Совпадение с силлабо-тоническими метрами строк варианта № 4
[Кузнецова 2015], тип D

Совпадение с метром	Пример	Кол-во строк	%
Хорей	Из пустыни старец	31	75,6
Ямб	В молитве и посте	2	4,9
Дактиль	Камень драгий	6	14,6
Анапест	Завсегда надо быть ¹	1	2,4
Дольник	Обценить цену ему	1	2,4
		41	100

Таким образом, сюжетный тип D, судя по имеющимся текстам разного времени фиксации, представляет собой нечто среднее между силлабикой и силлабо-тоникой. Следовательно, Кирпичников и Кадлубовский, по всей видимости, интерпретировали стих с разных сторон: первый лучше чувствовал хореический ритм, второй яснее видел силлабическую упорядоченность.

¹ Строка может быть интерпретирована и как цезурированный хорей: «Завсегда / надо быть».

Е. Диалог Иоасафа с пустыней. Имеются тексты, обнаруженные в рукописях (№ 56 и 57 у Бессонова), и тексты, записанные, насколько можно судить, с голоса (№ 45–55, 58 у Бессонова) в XIX в. В издании Бессонова они не разделены и целиком отнесены к фольклору, Кадлубовский предлагает их разграничивать [Кадлубовский 1915: 231–232]. Сравним тексты из рукописей и тексты устные.

А. Рукописная традиция

Текст № 56 (сведения о датировке рукописи отсутствуют) представляет собой неурегулированный по количеству слогов стих. Вот его начало (в скобках справа указано количество слогов в строке):

Какъ расплатется младый юноша (10)
 Иосафъ царевичь, (6)
 Предъ пустынею стоя: (7)
 «Любимая моя мати, (8)
 Прекрасная пустыня! (7)
 Ты приими мене, пустыня, (9)
 Яко мати свое чадо (8) [и т.д.]

Трудно согласиться с Кадлубовским в том, что варианты этого типа «также представляют короткий стих, до известной степени напоминающий рассмотренные выше типы, и женские окончания» [Кадлубовский 1915: 232]. Подсчеты показывают, что о силлабизме здесь говорить не приходится, количество слогов в строках колеблется в диапазоне 6–10, причем какой-либо закономерности в их чередовании уловить невозможно (см. таблицу 10).

Таблица 10

Количество слогов в строке в варианте № 56

Кол-во слогов	Кол-во строк	Пример	%
6	16	Въ небесное царство	32,7
7	9	Трудомъ потрудитися	18,4
8	17	По зеленой по дубравѣ	34,7
9	5	На древахъ маленькіе листьа	10,2
10	2	Разгуляюсь я, младый юноша	4,1
	49		100

Окончания в большинстве случаев действительно женские, однако имеются и мужские, и дактилические (хотя их совсем немного: 6 дактилических и 1 мужское): «Со мной станут говорить» (м.), «Проречеть младый юноша» (дакт.) и т.п. Этот текст не содержит рифм (если не считать их эмбриональных форм типа *потрудитися–попоститися*, да и те единичны). Разбиение

на строки, вероятно, продиктовано напевом, если предположить, что этот рукописный текст мог изначально исполняться на мелодию. Имеющийся рефрен «У меня в пустыни» допускает предположение о существовании напева. В примечаниях об этом ничего не сказано.

Проверка каждой строки на совпадение с силлабо-тоническим метром выявила, что пороговая отметка в 75 % [Скулачева 2014] достигается на трехсложном метре — амфибрахии (75,5 %: 44,9 + 10,2 + 4,1 + 16,3), см. таблицу 11.

Таблица 11

**Совпадение с силлабо-тоническими метрами в варианте № 56
(рукописно-книжная традиция)**

Совпадение с метром	Кол-во	Пример	%
Хорей	22	И избáвь меня, пусты́ня	44,9
Ямб	5	Прекра́сная пусты́ня	10,2
Дактиль	2	Не съ кѣмъ рѣчѣй говорѣти	4,1
Амфибрахий	8	Арха́нгельскимъ гла́сомъ	16,3
Анапест	3	Еще пѣль Предоте́ча	6,1
Дольник	5	И всѣ небѣсныя сѣ́лы	10,2
Тактовик	0	—	0
Акцентный стих	4	Огня́, вѣ́чныя му́ки	8,2
	49		100

Следовательно, стих имеет полиметрическую структуру.

Что же касается варианта № 57 (неоконченный отрывок, датировка также отсутствует), то это преимущественно нерифмованный четырехстопный хорей с женскими окончаниями, со слабыми признаками рифмы (количество хорейских строк составляет 49 из 62, т.е. 79 %).

Во прекрасной во пустынь
 Во зеленой во дубравъ,
 Я пойду же разгуляюсь.
 Моя матушка вторая,
 Ты прекрасная пустыня!
 Прими меня, пустыня
 Со премногими грѣхами,
 Со горячими слезами!

Другие типы строк редки. Например, имеются строки, совпадающие по структуре с ямбом: «И го́ркая вода́ болотная» (1.31.2); с анапестом: «Мнѣ-ка Бо́гу моли́тца» (2.2.1); с дольником: «На свой-то бѣ́лыя ру́ки» (2.12.1); с тактовиком: «Жа́лбно́ будутъ причита́ти» (0.23.1); с акцентным стихом: «И арха́нгель-

скимъ своймъ гласомъ» (2.30.1). Две строки имеют структуру, иногда называемую «народно-песенный размер 5+5» [Бейли 2010: 219], в литературном стихе этот тип называют пяти-сложником [Беззубов 1978]: «Какъ придець же / весна красная» (с цезурой после пятого слога). Он, как можно предположить, проник в книжный духовный стих под влиянием народно-песенной лирики.

Б. Фольклорная традиция

Тексты № 45–55 и 58 также не обнаруживают метрической однородности. Их структура представлена в таблице 12.

Таблица 12

Стиховая структура фольклорных вариантов № 45–55 и 58

	Х	Я	Д	Амф	Ан	Дк	Тк	Акц	Всего	Метр
№ 45	7	1	1	0	0	7	0	8	24	Акц
№ 46	11	6	1	2	2	18	5	20	65	Акц
№ 47	14	7	2	1	8	24	17	17	90	Тк
№ 48	20	3	1	5	5	7	4	7	52	Дк
№ 49	3	6	0	3	0	22	5	11	50	Тк
№ 50	8	10	3	14	9	27	18	15	104	Тк
№ 51	12	4	1	6	8	5	1	4	41	Полиметрия
№ 52	31	11	5	18	9	7	4	6	91	Полиметрия
№ 53	29	1	2	18	58	16	9	12	145	Дк
№ 54	7	4	0	3	4	1	4	9	32	Акц
№ 55	22	11	2	21	13	8	3	11	91	Полиметрия
№ 58	14	10	10	11	20	6	0	1	72	Полиметрия
Всего	178	74	28	102	136	148	70	121	857	

Сумма обследованных строк во всех вариантах (№ 45–55 и 58) — 857. Количество строк в каждом варианте представлено в правом предпоследнем столбце («Всего»). Количество строк, совпадающих с тем или иным метром (по сумме всех вариантов), — в нижней последней строке («Всего»). Метр каждого варианта определялся по методике, описанной в работе [Скулачева 2012]. Судя по полученным нами данным, этот тип сюжета тяготеет к тонической организации, количество ударений в строке обычно колеблется в пределах 2–4 с явным преобладанием трехударных строк, в некоторых вариантах (№ 51, 52, 55, 58) имеется тенденция к силлабо-тонизации метрики, к большей строгости стиха. Текст № 54 с аномально длинными строками (вплоть до семи ударений включительно) — это контаминация с духовным стихом «О Пятнице», осуществленная неизвестным исполнителем благодаря тематической близости текстов: в обоих сюжетах фигурирует образ пустытника-аскета: «Ты пройди, раба Божья

человѣча, по все́му міру, // Ты́ просла́вь, просла́вь, раба́ Бо́жья
человѣча». Для фольклорных стихов Варлаамо-Иоасафского
цикла такая длина строки нехарактерна.

Практически не используется рифма, но в отдельных случаях
можно говорить об эмбриональной рифме, основанной на па-
раллелизме грамматических форм (*не боюся–оборонюся, соез-
жает–провожают* и т.п.).

Типология клаузул по вариантам представлена в таблице 13.

Таблица 13

Типология клаузул в фольклорных вариантах № 45–55 и 58

	№ 45	№ 46	№ 47	№ 48	№ 49	№ 50	№ 51	№ 52	№ 53	№ 54	№ 55	№ 58
м	—	3	2	3	1	3	4	6	3	1	2	3
ж	23	44	69	46	40	90	37	77	139	29	82	65
д	1	18	19	3	8	11	—	8	3	1	7	4
гип	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—
	24	65	90	52	50	104	41	91	145	32	91	72

Обобщенные данные по клаузулам представлены в таблице 14.

Таблица 14

Обобщенная типология клаузул в фольклорных вариантах № 45–55 и 58

Клаузула	Кол-во	Пример	%
Мужская	31	Не служить же тебѣ	3,6
Женская	741	Волю Божию творити	86,5
Дактилическая	83	Древа листьями одѣнутся	9,7
Гипердактилическая	2	И всѣ святые праведные	0,2
	857		100

Таким образом, в фольклорных вариантах сюжета Е существенно преобладают женские окончания.

Интересно сопоставить корпус текстов, опубликованных Бес-
соновым, с вариантом, записанным в 1867 г. Е.В. Барсовым от
И.А. Федосовой в Петрозаводске и напечатанным в газете
«Олонецкие губернские ведомости» [Кузнецова 2015: 386–388,
605]. В исполнении Федосовой стих подвергается сильной сил-
лабо-тонизации, целые пассажи в диалоге представляют собой
нерифмованный четырехстопный хорей.

«У нас нету во пустыне,
У нас нету во святой
Не садов, не виноградов,
Нету деревцов сахарных,

Нету ягодок изюмных».
Слезно плачет он, млад юный,
Отвечает он пустыни:
«Мне не надобно, пустыня,
Ни садов, ни виноградов,
Мне ни деревцов сахарных,
Мне ни ягодок изюмных.
Ты прими меня, пустыня,
Прими, матушка святая!
Хочу жить я во пустыне,
Хочу жить я во святой,
Богу Господу молиться,
За млады лета трудиться». [И т.д.]
[Кузнецова 2015: 387]

Такой стих, между прочим, напоминает о стихе «калевальской» метрики и «Песни о Гайавате» Г.У. Лонгфелло, однако вряд ли здесь можно увидеть что-то большее, чем простое совпадение. «Культурный ореол» этого метра действительно ассоциируется с «калевальским» стихом, по крайней мере в исследовательском сознании, например высказывалось предположение, позднее опровергнутое, о возможном влиянии творчества Лонгфелло и лённротовской «Калевалы» на стих «Бовы» А.Н. Радищева [Wachtel 2020: 84]. Однако «любое сходство между стихом Радищева и финским эпосом следует <...> отнести к совпадению, а не к влиянию» [Ibid.]. Ю.Б. Орлицкий называет сложившиеся представления о четырехстопном хорее с женскими окончаниями как об особом «калевальском» стихе «устойчивым мифом», поскольку этот размер уже давно «относится к числу самых распространенных в русской классической поэзии» [Орлицкий 2010: 73].

В сборнике [Гацак 2007] стих о царевиче (записан с голоса в 1927 г.) опубликован с сохранением вербальных признаков вокального исполнения (без нотного приложения): частиц, междометий, повторов и т.п.

Уж ты, молодые сын юной,
Да молодой сын, ай, сын Осафий,
А, ой, ой, Осафий.
Да уж ты, матушка пустыня,
(А пустыня),
Да прекрасивая ты матушка спасеная,
(Ой, спасеная) [и т.д.]
[Гацак 2007: 206–209]

Он был распет «как долгая протяжная песня» [Бахтина 2007: 462] и в таком виде представляет собой свободный нерифмованный акцентный стих, что вполне согласуется с данными, полученными на материале текстов из сборника Бессонова.

В целом же структурные стиховые различия между «книжными» и фольклорными версиями настолько незначительны, что их можно рассматривать как единый тип, близкий все же к фольклору. Как верно отметил Кадлубовский, «различные варианты этого типа в общем довольно согласны между собой» [Кадлубовский 1915: 232].

Ф. «Северный стих». Записан в 1899 г. В настоящей статье мы используем первую публикацию [Кадлубовский 1915: 243–248]. Этот вариант отличается значительным объемом (более 240 строк + прозаические вкрапления). Говоря о стихотворной форме этого текста, Кадлубовский обратил внимание на «короткий стих, женские окончания» [Там же: 234]. Он также предположил, что в основе этого народного стиха лежит некий неизвестный книжный источник: «[П]о всей вероятности этот источник представлял собою стихотворную биографию царевица, изложенную в духе той же старой школьной литературы, силлабическими стихами» [Там же: 236]. Этот источник не установлен, его существование носит гипотетический характер. Рассмотрим стихотворный строй фольклорного «Северного стиха» подробнее.

Этот текст не отличается целостностью, отдельные его части представляют собой прозаический пересказ сюжета. Прозаические фрагменты, комментирующие и разъясняющие ход повествования, вклиниваются прямо в стих. Их совсем немного, но они есть:

«Вотъ тебѣ скажу я (2):
 Молисе ты долго»...
 Старьцю стало жалко, какъ себя изнурялъ Иасафъ
 цяревиць, сталь молитыце за ёго.
 [Кадлубовский 1915: 247]

Завершается вариант также прозаическим сегментом. Кадлубовский в подстрочном примечании поясняет, что «певица не знала конца стиха» [Кадлубовский 1915: 248]: «Тогда сказаль Варлаамій: “Потому ему вѣнець, шьто онъ попаль въ вѣру православну, самъ за тебя молитце. Тепереця ты пожалѣшь богатьсва — небесного царсва”» [Там же].

Имеется один фрагмент, напоминающий цитату то ли молитвословного, то ли гимнографического типа:

Непрестанно же будёмъ слушать:
Слава Творцу,
Вѣкамъ Отцу,
И сыну!
 [Кадлубовский 1915: 246]

Эти три строки были исключены нами из выборки.

Строка «Я Христа же приобряшшу срѣсь него» была разбита нами на две: «Я Христа же приобряшшу // срѣсь него» в соответствии с прототипической формой — см. сюжет D, вариант № 176 в публикации Бессонова: «И я буду свѣтозарень // Отъ него».

В остальном вариант весьма разнообразен по стиховой структуре, исполнительница довольно гибко меняет метрический рисунок в зависимости от развития сюжета, места того или иного стихового блока в композиции текста. Анализ этого варианта сопряжен с теоретическими и практическими трудностями, которые заключаются в следующем.

Во-первых, не всегда удается уверенно отграничить акцентный стих от дольника с пропуском ударения. Единые правила в современном стиховедении пока не выработаны [Скулачева 2012: 52]. Скулачева все строки с 4-сложным интервалом пока (до выработки жестких правил разграничения этих типов строк) предпочитает относить к акцентному стиху [Там же]. В нашей работе в случае сомнений мы все же делали выбор в пользу менее расшатанного метра — дольника, тем более что такое решение поддерживается метрическим контекстом стиха. Таких строк набралось всего десять, и на общую количественную картину они не повлияли. Приведем пример:

Народѣлся же у царя-то, (2.4.1 — Дк)
И родѣлось вѣдь цядо мѣло, (2.21.1 — Дк)
Какъ родѣлся тутъ млადъ царѣвиць; (2.21.1 — Дк)
Нарекали-то ему ѣмя (2.4.1 — Дк)
Иосафъ же свѣтъ царѣвиць. (2.11.1 — X)
[Кадлубовский 1915: 243]

Согласно классификации Гаспарова, перед нами трехударный дольник [Гаспаров 1968], строки 1 и 4 («Народился же у царя-то» и «Нарекали-то ему имя») представляют собой неполноударную форму с пропуском среднего ударения (интервал 4, форма VI [Там же: 68]).

Во-вторых, отмечено незначительное количество (девять) строк с переакцентуацией (перебоем метра). Часть из них приходится на эпизод встречи Варлаама и Иоасафа:

Любитьъ тебя Бѣже, (0.3.1 — X)
Прислѣдкѣй Исусе. (1.2.1 — X с перебоем)
Идѣ во пустыню. (1.2.1 — X с перебоем)
Пѣжилъ онъ въ пустыни. (0.11.1 — X)
Стальъ трудѣмъ трудѣтце, (0.11.1 — X)
Стальъ Бѣгу молѣтце, (0.02.1 — X с перебоем)
Стальъ постѣмъ постѣтце. (0.11.1 — X)
[Кадлубовский 1915: 247]

Здесь строки 2, 3 и 6 совпадают с интервальной схемой трехстопного хоря, осложненного переакцентуациями (прислáдкий, иди́, Бо́гу).

Иногда ритмика осложняется сверхсхемными ударениями (все-го четыре случая): «Какъ прекра́сной-отъ *мла́дъ* юноша» [Кадлубовский 1915: 246] (2.20.2 — хорей со сверхсхемным ударением на третьей стопе); «Отвѣча́тъ *мла́дъ* юнаша» [Там же: 247] (2.00.2 — хорей со сверхсхемным ударением на второй стопе); «Прорече́тъ *мла́дъ* нашъ юноша» [Там же: 245] (2.01.2 — анапест со сверхсхемным ударением на второй стопе); «Ты таку́ *зды́латъ* му́дру му́дрость» [Там же: 246] (2.011.1 — дольник со сверхсхемным ударением; этот случай может быть интерпретирован и как акцентный стих).

В-третьих, следует прояснить вопрос о клаузулах. Кадлубовский отнес все окончания этого стиха к женским. Однако это в целом верное утверждение корректируется простыми подсчетами. В таблице 15 представлена уточненная типология клаузул.

Таблица 15

Типология клаузул «Северного стиха»

Клаузула	Кол-во	Пример	%
Мужская	6	Я послушаю отца своево́	2,5
Женская	210	Ты любезной мой милой дядька!	87,1
Дактилическая	25	Молодому тебѣ юнаши	10,4
	241		100

Приведенные данные могут быть не до конца точны, например, не вполне ясна акцентуация словоформ в следующем случае:

Постарѣлъ онъ теперь въ пустыни;
Он трудитце, Богу мо́литце,
Мало хлѣба онъ воскуша́еть.
[Кадлубовский 1915: 244]

Здесь во второй строке мы поставили ударения в соответствии с нормой современного русского литературного языка: *трудо́ится, мо́литца*. Однако не исключено, что при песенном исполнении ударение переносилось на предпоследний слог: *трудо́ится, мо́литца*. Такое прочтение поддерживается и ритмическим контекстом стиха (см. строки 1 и 3). Впрочем, этот пример единичен. В подобных случаях какое-то подспорье может оказать «Краткий словарь народно-песенной акцентуации» [Бейли 2010: 414–450], однако далеко не всегда материалы этого словаря достаточны для полной разметки текста.

Невозможно не отметить повышенную частотность (и даже преобладание) женских окончаний во всех шести рассмотренных типах стихов Варлаам-Иоасафского цикла. Здесь наши данные совпадают с теми, которые ранее были получены С.В. Николаевой на материале других сюжетов: «Борис и Глеб», «Алексей, человек Божий», «Аника-воин», «Вознесение» [Николаева 2015: 384]. Вероятно, определенную роль могла сыграть «книжная», «литературная» история жанра духовных стихов: из силлабических виршей тип стиха с женской клаузулой мог быть воспринят как прототипический и далее закрепился за отдельными сюжетами — возможно, теми, которые теснее связаны с книжными источниками.

Полные данные о метрическом типе этого текста представлены ниже (таблица 16).

Таблица 16

Метрика «Северного стиха»

Совпадение с метром	Кол-во	Пример	%
Хорей	101	Запира́лось йхно ця́до	41,9
Ямб	7	На Иаса́фа свѣтъ цяре́виця	2,9
Дактиль	0	—	0
Амфибрахий	0	—	0
Анапест	12	Ишше пи́ль Предоте́ця	5
Дольник	96	Говори́тъ Иоса́фъ цяре́виць	39,8
Тактовик	9	Цяре́вицю ни́ско поклони́лсэ	3,7
Акцентный стих	16	Говори́тъ-то своёму́ дядьки	6,6
	241		100

Суммарную пороговую отметку в 75 % (в данном случае 89,6 %: 41,9 + 2,9 + 5 + 39,8) преодолевает дольник. Таким образом, метр «Северного стиха» — трехударный белый дольник.

Г. Стих «Что за чудная превратность...». Анализ этого духовного стиха осуществлен на основе трех вариантов: два опубликованы в [Кузнецова 2015: 128–130, 166–169] под № 72 и 97, один — в [Бучилина 1999: 225–227] под № 85. Для сопоставлений может использоваться также вариант, напечатанный в [Поздеева 2007: 288–289] под № 92 с необходимыми подстрочными указаниями (извлечен из рукописи второй половины XIX — начала XX в.). Стих активно бытовал в старообрядческой среде в течение всего XX в. В качестве образца приведем начало варианта № 72 из [Кузнецова 2015: 128].

Таблица 17

Текст	Метрическая схема	Слоговой объем анакрузы, междуиктовых интервалов, клаузулы
1 Штó за цюдная превратность!	-’У-’У-У-’У	0.13.1 (Х4ж)
И перемену зрю в глазах.	У-У-’У-’У-’	3.11.0 (Я4м)
Простї, міра вся приятность,	-У’-’У-’У-’У	1.011.1 (Х4ж) ¹
Не хоцю я видеть вас!	-У-’У-’У-’	2.11.0 (Х4м)
5 От тех ² ваших удалеюсь,	-У-’У-У-’У	2.3.1 (Х4ж)
Во пустыни хоцю жить,	-У-’У-У-’	2.20.0 (Х4м) ³
Своім дүхом восхищатце,	-У’-’У-У-’У	1.03.1 (Х4ж)
Чтобы век Богу служить.	-’У-’У’-У-’	0.102.0 (Х4м) ⁴
Мирьских прелестей прекрасных,	-У’-’У-У-’У	1.03.1 (Х4ж) ⁵
10 Чтобы вовэки не любить.	У’-У-’У-У-’	0.23.0 (Я4м)
Вместо прелести и славы	-’У-’У-У-’У	0.13.1 (Х4ж)
Стремлюсь в темны лесá.	-У’-’У-У-’	1.03.0 (Х4м) ⁶
Поминутно вместо слáсьти	-У-’У-’У-’У	2.11.1 (Х4ж)
Ўм вперáю в небесá.	-’У-’У-У-’	0.13.0 (Х4м)

Всего в этом варианте 99 строк, это четырехстопный хорей с чередованием мужской и женской клаузулы, с перекрестной рифмой. Строки 2 и 10 в приведенном отрывке прерывают хорейское движение стиха: «и перемену» (вместо «перемену»), «чтобы» (вместо «чтоб»), они совпадают с ямбом.

С осторожностью можно говорить о переакцентуациях — переборах в ритме (строки 3, 6, 8, 9, 12)⁷. Ритмические перебои выявлены как на первой стопе: «Простї, мира вся приятность», так и на третьей: «Во пустыни хоцю жить». Если для первой стопы переакцентуация в какой-то степени является нормой, то на третьей стопе она встречается гораздо реже [Жирмунский 1975: 57]. Осторожность здесь необходима в связи с тем, что в языке фольклора ударение может искусственно переноситься [Бейли 2010: 161–162]. Например, для словоформы «простї» в тех же духовных стихах зафиксирован акцентный дублет «прóсти»:

¹ Переакцентуация на первой стопе.

² Искажение словоформы «утех».

³ Переакцентуация на третьей стопе.

⁴ Переакцентуация на третьей стопе.

⁵ Переакцентуация на первой стопе.

⁶ Переакцентуация на первой стопе.

⁷ Благодарю Сергея Евгеньевича Ляпина за ценные суждения, высказанные им по этой проблеме в порядке частной консультации.

Прóсти, тело, прóсти, бéло, прóсти, белое мое.
[Кузнецова 2015: 273]

В этом случае переакцентуации нет. Таких примеров можно привести очень много. В массиве текстов это чревато серьезными ошибками в расчетах и неверной интерпретацией ритмики духовных стихов. Без аудиозаписей (ими мы, к сожалению, практически не располагаем) приходится считать все количественные выкладки неким допущением, своего рода реконструкцией.

Остальные варианты созданы по этой же метрической модели: четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул. Варьирование осуществляется благодаря расширению или сжатию конкретного текста, появлению или выпадению отдельных мотивов, однако все это происходит в пределах метрического инварианта: четырехстопной хорейческой схемы.

К.Ф. Тарановский называет четырехстопный хорей самым распространенным и популярным из всех хорейческих размеров [Тарановский 2010а: 61] (см. также: [Гаспаров 1974: 60]). «Чаще всего это стих с чередованием мужских и женских окончаний» [Тарановский 2010а: 61]. Впервые такой стих «мы встречаем в переводе оды Фенелона, которую студент Ломоносов послал в 1738 г. из Фрайбурга российской Академии наук. Эта ода Ломоносова не могла иметь значительного влияния, потому что ее похоронили в бумагах Академии» [Там же: 63]. Распространение четырехстопный хорей начал получать после публикации М.В. Ломоносовым «Письма о правилах российского стихотворства» (1739) [Там же]. Позднее этот размер активно использовался А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским и др. По всей видимости, именно здесь и следует искать начало традиции четырехстопного хорей в старообрядческой духовной поэзии. Что же касается конкретного текста, приведенного нами, то его литературным источником могло стать популярное в XIX в. стихотворение (песня) «Я в пустыню удаляюсь от прекрасных здешних мест...» [Банников 1979: 13–14], принадлежащее перу певицы Марии Воиновны Зубовой, урожденной Римской-Корсаковой (ум. в 1799 г.) [Там же: 7]¹. Стихотворение написано в самом конце XVIII в. и уже в полной мере отражает силлаботонический строй русской поэзии того времени (это также четырехстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул). И хотя религиозные мотивы в песне Зубовой не вполне эксплицированы (в романсе ставится акцент на теме любви и разлуки: «Знаю, что и ты страдаешь // И вздыхаешь обо мне» [Там же: 14]), формульное выражение «Я в пустыню удаля-

¹ Благодарю анонимного рецензента статьи, указавшего на этот источник.

юсь...» могло стать тем смысловым ядром, из которого и зародился текст духовного стиха.

Вместе с тем ритмическая инерция четырехстопного хорей с сильным акцентом на третьем и седьмом слогах не чужда и русскому музыкальному фольклору, ср.: «Ах вы сени, мои сени» [Тарановский 2010а: 67]. Возможно, наличие такой инерции способствовало лучшему усвоению литературной метрики духовными стихами.

Заключение

Мы представили картину эволюции метрических типов духовных стихов Варлаамо-Иоасафского цикла, уделив при этом особое внимание фольклорным версиям. Многое, очевидно, еще потребует уточнения, какие-то положения могут быть полностью пересмотрены, особенно при включении в выборку более достоверных материалов: рукописных или опубликованных текстов с нотировками и ясными указаниями на акцентные нормы. Однако общая тенденция в целом прослеживается и, насколько можно судить, не противоречит фактам истории русского стихосложения. Стихи выделяются в семь сюжетных типов, неоднородных по структуре. Насколько это возможно, мы постарались учесть форму бытования этих текстов, разделив их на рукописно-книжные и фольклорные. Не всегда граница между ними очевидна: в ряде случаев мы затрудняемся квалифицировать текст как книжный или как фольклорный, если нет специальных пометок издателя (которые также не всегда надежны).

Корпус текстов представлен разными метрическими группами в зависимости от времени и от среды создания. Наиболее ранний известный текст, отнесенный к сюжетному типу А («Прими мя, пустыни...»), датируется XVI в. Исследователи не всегда находят основания интерпретировать его как стих, однако целесообразнее все же отнести его к стиху покаянному и квалифицировать как свободный акцентный неравнострочный белый стих. Границы строк, по всей видимости, заданы напевом. Развитие этот сюжетный тип получил в силлабической поэзии XVII в., где превратился в 8-сложник (4+4) с женскими клаузулами и парной рифмой. Он проник и в фольклорную традицию, потеряв изосиллабизм и превратившись в тонический стих, обычно трехударный. Сюжетный тип В — стихотворение Симеона Полоцкого «Боже Отче всемогущий...», написанное в конце XVII в. Оно получило широкое распространение в рукописной традиции, особенно в старообрядческой среде, в которой исполнялось и на мелодию. Явной фольклоризации стихотворение не подверглось: даже поздние тексты сохраняют

черты книжной стилистики. Сюжетный тип С — это также стихотворение Симеона Полоцкого («Приидите вернии людие, внушите...»), написанное в конце XVII в. Его стихотворная форма — силлабический цезурированный 13-сложник (7+6) с женскими клаузулами и парной рифмой. В фольклорной традиции этот текст не выявлен. Сюжетный тип D («Из пустыни старец в царский дом приходит...»), известный по рукописям еще второй половины XVIII в., обнаруживает сильные силлаботонические тенденции, прежде всего тяготение к хорейской структуре. Клаузулы женские, рифмы отсутствуют. Фольклорный вариант, записанный в XX в., подтверждает эту закономерность: это хорей преимущественно с женскими клаузулами, без рифм. Сюжетный тип E («Диалог Иоасафа с пустыней») существует в двух ипостасях: книжной и фольклорной. Границы между ними прозрачны, все тексты напоминают фольклорные. Датировка рукописей отсутствует, фольклорные варианты были записаны в XIX–XX вв. Это разнообразный материал: полиметрия, дольник, тактовик, акцентный стих, есть тексты с выраженным хорейским рисунком. Преобладает тоническая система, количество ударений в строке обычно (с редкими исключениями) колеблется в пределах 2–4 с преобладанием трехударных строк, клаузулы женские, рифма эмбриональная. Единственный вариант сюжетного типа F («Северный стих»), зафиксированный только в фольклоре в конце XIX в., — это чистая тоника, трехударный белый дольник с женскими клаузулами. Стихотворение, отнесенное к сюжетному типу G («Что за чудная превратность...»), предположительно, написано старообрядцем Никитой Семеновым во второй половине XIX в. Оно подверглось полноценной фольклоризации: бытовало (переписывалось и пелось) на самой обширной территории в течение XIX–XX вв., сведения об авторе со временем могли утрачиваться и в принципе уже не имели большого значения для носителей традиции. Духовный стих стал подлинно фольклорным. Это силлаботонический текст, созданный по лекалам русской классической поэзии: четырехстопный хорей с перекрестной рифмой и чередованием женских и мужских клаузул. Таким образом, развитие стихотворных форм перечисленных сюжетов отражает тенденции, характерные для истории русского стиха. Можно отметить сравнительно позднее проникновение силлаботоники, сформировавшейся в литературном стихе еще в первой трети XVIII в., в фольклор. Более привычной системой стихосложения для фольклора является все же тоника. Однако неверно было бы представлять развитие метрических форм как линейный процесс, в котором один этап последовательно сменяется другим. В фольклоре в один и тот же исторический период могут сосуществовать тексты с выраженными

силлабо-тоническими признаками и тексты, расшатанные до акцентного стиха. Нет и четкой границы между книжностью и фольклором, за редкими исключениями.

Мы использовали печатные публикации фольклорных текстов и лишь единожды обратились к аутентичной аудиозаписи, что автоматически делает наши подсчеты не совсем точными. В силлабических и силлабо-тонических текстах языковой инвариант вычленяется сравнительно достоверно, в устных же фольклорных вариантах (особенно в случае свободного стиха) его выделение по многим причинам носит условный характер. Очевидно, что количественная детализация, предложенная нами, может быть неверна в частностях, однако хочется надеяться, что общие закономерности выявлены без существенных погрешностей.

В связи с этим можно отметить два очевидных направления дальнейшей работы. Во-первых, необходимо обращение к более ранним материалам рукописной книжности (XV–XVI вв.). Здесь не обойтись без учета традиции молитвословного стиха, структурные признаки которого до сих пор не описаны стиховедами с достаточной полнотой [Гаспаров 1984: 24–26; Агапов 2010]. Во-вторых, не менее важны поздние аудиоматериалы, зафиксированные в экспедициях уже в XX–XXI вв. Только они смогут дать представление о звучащем тексте, акцентных нормах и т.п., а картина эволюции метрики духовных стихов приобретет более конкретный характер. В обоих случаях требуются специальные архивные разыскания, поскольку печатные тексты не в состоянии сформировать полноценную источниковую базу. Подобное исследование требует совместных усилий фольклористов, стиховедов, текстологов, этномузыкологов.

Благодарности

Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания.

Список сокращений

Акц — акцентный стих

Амф — амфибрахий

Ан — анапест

Д — дактиль

Дк — дольник

Тк — тактовик

Х — хорей

Х3 — трехстопный хорей

Х4 — четырехстопный хорей

Х4ж — четырехстопный хорей с женской клаузулой

X4m — четырехстопный хорей с мужской клаузулой
Я — ямб
Я4m — четырехстопный ямб с мужской клаузулой
гип — гипердактилическая клаузула
д — дактилическая клаузула
ж — женская клаузула
м — мужская клаузула

Источники

- Банников Н.В.* (сост.). Русские поэтессы XIX века. М.: Сов. Россия, 1979. 256 с.
- Бессонов П.А.* Калеки переходные: Сб. стихов и исслед.: В 2 ч. М.: Тип. А. Семена, 1861. Ч. 1. Вып. 1–3. 852 с. разд. паг.; М.: Тип. Бахметева; Тип. Лазаревск. ин-та вост. яз, 1863–1864. Ч. 2. Вып. 4–6. 938 с. разд. паг.
- Бучилина Е.А.* (сост.). Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области. М.: Наследие, 1999. 416 с.
- Гацак В.М.* (отв. ред.). Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. М.: Наука, 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. 632 с.
- Казанцева Т.Г.* (сост.). Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН). Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. 363 с.
- Кузнецова В.П.* (сост.). Духовные стихи Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2015. 800 с.
- Мурашова Н.С.* (сост., вступ. статья). Старообрядческий духовный стих: Библиографический указатель, 1859–2016. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 132 с.
- Панченко А.М.* (вступ. статья, подг. текста и примеч.), *Адрианова-Перетц В.П.* (ред.). Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л.: Советский писатель, 1970. 422 с.
- Петрова Л.А., Серегина Н.С.* (сост.). Ранняя русская лирика: репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков. Л.: Библ. Акад. наук СССР, 1988. 412 с.
- Поздеева И.В.* (отв. ред.). Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхотурского монастыря: Исслед. и публикации. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. 330 с.
- Селиванов Ф.М.* (сост.). Стихи духовные. М.: Сов. Россия, 1991. 336 с.
- Терентьева П.* Пустыни красная: русские духовные стихи письменной традиции XV–XX веков с распевками по знамени и на линейной ноте. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2010. 81 с.

Библиография

- Агапов А.В.* В поисках существенных дефиниций молитвословного стиха // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. 2010. № 2. С. 7–24.

- Бахтина В.А.* Комментарии к основному корпусу текстов // Гацак В.М. (отв. ред.). Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2 т. М.: Наука, 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. С. 399–544.
- Беззубов А.Н.* Пятисложник // Холшевников В.Е. (отв. ред.). Исследования по теории стиха: Сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1978. С. 104–117.
- Бейли Дж.* Метрический инвариант // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху / Пер. с англ. под общ. ред. М.Л. Гаспарова. М.: Яз. рус. культуры, 2001. С. 27–78.
- Бейли Дж.* Три русских народных лирических размера. М.: Яз. слав. культуры, 2010. 584 с.
- Берков П.Н.* К спорам о принципах чтения силлабических стихов XVII — начала XVIII в. // Холшевников В.Е. (отв. ред.). Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 294–316.
- Воронцова Е.* Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев Южной Вятки // Антропологический форум. 2014. № 23. С. 38–51.
- Гаспаров М.Л.* Русский трехударный дольник XX в. // Холшевников В.Е. (отв. ред.). Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 59–106.
- Гаспаров М.Л.* Современный русский стих: метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.
- Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М.: Наука, 1984. 320 с.
- Гаспаров М.Л.* Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М.Л. Избранные труды: В 4 т. М.: Яз. рус. культуры, 1997. Т. 3: О стихе. С. 54–131.
- Герасимова-Персидская Н.А.* Об отражении Повести о Варлааме и Иоасафе в древнерусской музыке // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1985. Т. 38. С. 331–337.
- Гиппиус А.А.* «Зло видучи, а добра не видучи»: поэтика и грамматика древнейшего русского покаянного стиха // Russian Linguistics. 2017. № 41. С. 261–282. doi: 10.1007/s11185-017-9185-1.
- Ефименкова Б.Б.* Ритм в произведениях русского вокального фольклора. М.: Композитор, 2001. 256 с.
- Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.
- Зализняк А.А.* Древнерусское ударение: общие сведения и словарь. М.: Яз. слав. культуры, 2014. 728 с.
- Кадлубовский А.П.* К истории русских духовных стихов о преподобном Варлааме и Иоасафе // Русский филологический вестник. 1915. № 2. С. 224–248.
- Казарцев Е.В.* Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 160 с.
- Кирпичников А.И.* I. Греческие романы в новой литературе. II. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Харьков: Унив. тип., 1876. 383 с.
- Лебедева И.Н.* (подгот., исслед., коммент.). Повесть о Варлааме и Иоасафе: памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л.: Наука, 1985. 296 с.

- Лобанов М.А. Стих былины: метрика — семантика — генезис. СПб.: РИИИ, 2007. 192 с.
- Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1877. 467 с.
- Маточкин А. Индивидуальные особенности квантитативности песенного стиха печорских сказителей // Антропологический форум. 2012. № 16 Online. С. 61–71.
- Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора: XI–XIV века. М.: Наука, 1978. 311 с.
- Муравьев А.В., Турилов А.А. Варлаам и Иоасаф // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Правосл. энциклопедия», 2003. Т. 6. С. 619–625.
- Мурашова Н.С. Старообрядческий духовный стих в контексте исторической эволюции внебогослужебного духовного пения. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2019. 371 с.
- Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. 2-е изд. М.: Ленанд, 2014. 192 с.
- Николаев С.Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.
- Николаева С.В. О формуле и метрике в старших духовных стихах // Иванова Т.Г. (отв. ред.). Рябининские чтения — 2015: Мат-лы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Гос. ист.-арх. и этногр. музей-заповедник «Киж», 2015. С. 382–384.
- Орлицкий Ю.Б. Стих «Калевалы» в русской поэзии и прозе (от Бельского и Городецкого до Маршака и Крусанова) // Муллонен И.И. (отв. ред.). «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 73–84.
- Панченко А.М. О рифме и декламационных нормах силлабической поэзии XVII в. // Холшевников В.Е. (отв. ред.). Теория стиха. Л.: Наука, 1968. С. 280–293.
- Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.
- Панченко А.М. Стихи покаянные // Лихачев Д.С. (отв. ред.). Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 2. С. 421–423.
- Панченко Ф.В. О выговских стихах виршевого склада с напевами // Пигин А.В. (отв. ред.). Святые и святыни Обонежья: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Водлозерские чтения — 2013». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 215–224.
- Петров А.М. От латинской новеллы к русскому духовному стиху: из истории одного фольклорного сюжета // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17. № 2. С. 172–195. doi: 10.21638/spbu09.2020.202.
- Петрова Л.А. К вопросу об истоках рукописной традиции цикла стихов о Варлааме и Иоасафе // Кукушкина М.В. (ред.). Мат-лы и сообщ. по фондам Отдела рукописной и редкой книги, 1985. Л.: Наука, 1987. С. 39–51.

- Петрова Л.И.* О переиздании «Сборника русских духовных стихов» В. Варенцова (текстологические заметки) // Русский фольклор: мат-лы и исслед. СПб.: Наука, 1999. Т. 30. С. 292–301.
- Петрова Л.И.* Духовные стихи в классических собраниях второй половины XIX века (вариант или искажение?) // Русская литература. 2014. № 1. С. 51–64.
- Позднеев А.В.* Эволюция стихосложения в народной лирике XVI–XVIII веков // Русский фольклор. Л.: Наука, 1971. Т. 12: Из истории русской народной поэзии. С. 37–46.
- Скулачева Т.В.* Методы определения метра в неклассическом стихе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 2. С. 45–54.
- Скулачева Т.В.* Методы анализа стиха при неизвестной системе стихосложения // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2014. № 11 (172). С. 41–46.
- Соколов Ю.М.* Весна и народный аскетический идеал (к истории духовного стиха «Разговор Иоасафа с пустыней») // Русский филологический вестник. 1910. № 3–4. С. 79–91.
- Тарановский К.Ф.* Русские двусложные размеры // Тарановский К.Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В.В. Сонькина. М.: Яз. слав. культуры, 2010а. С. 13–363.
- Тарановский К.Ф.* О книге М.П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения» // Тарановский К.Ф. Русские двусложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с серб. В.В. Сонькина. М.: Яз. слав. культуры, 2010б. С. 519–544.
- Трубецкой Н.С.* О метрике частушки // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 371–390.
- Федотов Г.П.* Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.
- Фролов С.В.* Из истории древнерусской музыки (ранний список стихов покаянных) // Базанов В.Г. (отв. ред.). Культурное наследие Древней Руси: истоки, становление, традиции. М.: Наука, 1976. С. 162–171.
- Холшевников В.Е.* Основы стиховедения: русское стихосложение: Учеб. пособие. 5-е изд. М.; СПб.: Академия; Филол. фак. СПбГУ, 2004. 208 с.
- Штокмар М.П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М.: АН СССР, 1952. 424 с.
- Wachtel M.* Radishchev's "Bova" and Its Place in the History of Russian Folkloric Stylization // *Studia Metrica et Poetica*. 2020. No. 2. P. 61–89. doi: 10.12697/smp.2020.7.2.04.

Spiritual Verses about Tsarevich Joasaph: Plots and Metrical Models

Alexander Petrov

Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences
11 Pushkinskaya Str., Petrozavodsk, Russia
hermitage2005@yandex.ru

The article considers the problem of the development of metrical forms of the cycle of folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph. Spiritual verses related to the literary tradition are used as supplementary material. The aim of the research is to trace the evolution of the metrics of folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph in the context of the history of Russian versification. The tasks of the research are the formation of a database of texts, differentiation of the texts into thematic groups, selection of method of work, and the analysis of folk and literary variants. The research methodology is determined by its complex nature, being at the intersection of folklore, linguistics, and literary studies. Taking into account the heterogeneity of the material, special methods are used for texts created within the framework of different systems of versification: syllabic, accentual, and syllabic-accentual. The entire corpus of texts consists of seven types of plots and can be divided into metrical groups depending on the time and the environment of their creation. The earliest known text dates from the 16th century; it is a free, non-rhymed accentual verse. A significant corpus of texts was created in the 17th century, in line with the literary syllabic system of versification; these are spiritual verses with 8 or 13 syllables per line. Some of these were assimilated by folk culture and subsequently lost their syllabic equality of lines, becoming close to the accentual system. Literary texts of the 18th–19th centuries are closer to the syllabic-accentual system; sometimes they include polymetric poetic forms. Folklore texts collected in the 19th–20th centuries are based mainly on the accentual system of versification (*dolnik*, *taktovik*, accentual verse); however, as we move towards the 20th century, syllabic-accentual tendencies also intensify in this area. In the 20th century, the tradition of spiritual poetry was based on syllabic-accentual models borrowed from the works of Russian classics. The long history of the existence of this poetic cycle is, in general, in line with the evolution of Russian versification. At the same time, if the syllabic-accentual verse has been formed since the 18th century in the literary tradition of spiritual poetry, then in folklore it spread relatively late. Reliable examples of syllabic-

accentual versification are found in folklore spiritual verses about Tsarevich Joasaph from the second half of the 19th century.

Keywords: spiritual verses, Tsarevich Joasaph, verse study, folk verse, metrics.

Acknowledgments

The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

References

- Agapov A. V., 'V poiskakh sushchestvennykh definitsiy molitvoslovnogo stikha' [Searching for Essential Definitions of Prayer Verse], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, series 3: *Filologiya*, 2010, no. 2, pp. 7–24. (In Russian).
- Bailey J., 'The Metrical Invariant in a Russian Lyric Folk Song', Scherr B. P., Worth D. S. (eds.), *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 conference at UCLA*. Columbus, OH: Slavica, 1989, pp. 23–56. (UCLA Slavic Studies, vol. 18).
- Bailey J., *Three Russian Folk Song Meters*. Columbus, OH: Slavica, 1993, 429 pp.
- Bakhtina V. A., 'Kommentarii k osnovnomu korpusu tekstov' [Comments on the Basic Set of Texts], Gatsak V. M. (ed.), *Neizdannye materialy ekspeditsii B. M. i Yu. M. Sokolovykh: 1926–1928: po sledam Rybnikova i Gilferdinga* [Unpublished Materials of B. M. and Yu. M. Sokolovs' Expedition: 1926–1928: In the Footsteps of Rybnikov and Gilferding], in 2 vols. Moscow: Nauka, 2007, vol. 1: *Epicheskaya poeziya* [Epic Poetry], pp. 399–544. (In Russian).
- Berkov P. N., 'K sporam o printsipakh chteniya sillabicheskikh stikhov XVII — nachala XVIII v.' [On Disputes on the Principles of Reading Syllabic Verses of the 17th — Early 18th Centuries], Kholshevnikov V. E. (ed.), *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Nauka, 1968, pp. 294–316. (In Russian).
- Bezzubov A. N., 'Pyatislozhnik' [Pentasyllabic], Kholshevnikov V. E. (ed.), *Issledovaniya po teorii stikha* [Studies on the Theory of Verse]: Coll. of scientific papers. Leningrad: Nauka, 1978, pp. 104–117. (In Russian).
- Efimenkova B. B., *Ritm v proizvedeniyakh russkogo vokalnogo folklor*a [Rhythm in the Works of Russian Vocal Folklore]. Moscow: Kompozitor, 2001, 256 pp. (In Russian).
- Fedotov G. P., *Stikhi dukhovnye (Russkaya narodnaya vera po dukhovnym stikhom)* [Spiritual Verses (Russian Folk Faith according to Spiritual Verses)]. Moscow: Progress, Gnozis, 1991, 192 pp. (In Russian).
- Frolov S. V., 'Iz istorii drevnerusskoy muzyki (ranniy spisok stikhov pokayannykh)' [From the History of Old Russian Music (An Early Copy of Penitential Verses)], Bazanov V. G. (ed.), *Kulturnoe nasledie Drevney Rusi: istoki, stanovlenie, traditsii* [Cultural Heritage of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 1976, pp. 162–171. (In Russian).

- Gasparov M. L., 'Russkiy trekhudarnyy dolnik XX v.' [Russian Dolnik with Three Stresses per Line in the 20th Century], Kholshchevnikov V. E. (ed.), *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Nauka, 1968, pp. 59–106. (In Russian).
- Gasparov M. L., *Sovremennyy russkiy stikh: metrika i ritmika* [Modern Russian Verse: Metrics and Rhythm]. Moscow: Nauka, 1974. 487 pp. (In Russian).
- Gasparov M. L., *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Essay on the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow: Nauka, 1984. 320 pp. (In Russian).
- Gasparov M. L., 'Russkiy narodnyy stikh i ego literaturnye imitatsii' [The Russian Folk Verse and Its Literary Imitations], Gasparov M. L., *Izbrannyye trudy* [Selected Works], in 4 vols. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997, vol. 3: *O stikhe* [About Verse], pp. 54–131. (In Russian).
- Gerasimova-Persidskaya N. A., 'Ob otrazhenii Povesti o Varlaame i Ioasafe v drevnerusskoy muzyke' [On the Reflection of the Tale of Barlaam and Joasaph in Old Russian Music], *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad: Nauka, 1985, vol. 38, pp. 331–337. (In Russian).
- Gippius A. A., "'Zlo viduchi, a dobra ne viduchi": poetika i grammatika drevneyshego russkogo pokayannogo stikha' ["Seeing Evil and Not Seeing Good": Poetics and Grammar of the Oldest East Slavic Penitential Verse], *Russian Linguistics*, 2017, no. 41, pp. 261–282. doi: 10.1007/s11185-017-9185-1. (In Russian).
- Kadlubovskiy A. P., 'K istorii russkikh dukhovnykh stikhov o prepodobnom Varlaame i Ioasafe' [On the History of Russian Spiritual Verses about the Monk Barlaam and Joasaph], *Russkiy filologicheskiy vestnik*, 1915, no. 2, pp. 224–248. (In Russian).
- Kazartsev E. V., *Sravnitelnoe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative Verse Study: Metrics and Rhythm]. St Petersburg: Herzen University Press, 2017, 160 pp. (In Russian).
- Kholshchevnikov V. E., *Osnovy stikhovedeniya: russkoe stikhoslozhenie* [The Basics of Verse Study: Russian Versification]: Textbook, 5th ed. Moscow; St Petersburg: Akademiya; Faculty of Philology, St Petersburg State University Press, 2004, 208 pp. (In Russian).
- Kirpichnikov A. I., *I. Grecheskie romany v novoy literature. II. Povest o Varlaame i Ioasafe* [I. Greek Novels in New Literature. II. The Tale of Barlaam and Joasaph]. Kharkiv: University Printing House, 1876, 383 pp. (In Russian).
- Lebedeva I. N. (preparation, research, comm.), *Povest o Varlaame i Ioasafe: pamyatnik drevnerusskoy perevodnoy literatury XI–XII vv.* [The Tale of Barlaam and Joasaph: Monument of Old Russian Translated Literature of the 11th–12th Centuries]. Leningrad: Nauka, 1985, 296 pp. (In Russian).
- Lobanov M. A., *Stikh byliny: metrika — semantika — genesis* [The Verse of Bylina-Epics: Metrics—Semantics—Genesis]. St Petersburg: Russian Institute of Art History Press, 2007, 192 pp. (In Russian).
- Maksimov S. V., *Brodyachaya Rus Khrista-radi* [Wandering Russia for Christ's Sake]. St Petersburg: Printing house of the "Obshchestvennaya polza" partnership, 1877, 467 pp. (In Russian).

- Matochkin A., 'Individualnye osobennosti kvantitativnosti pesennogo stikha pechorskikh skaziteley' [Individual Features of the Pechora Epic Singers' Quantitative Technique for Verse Singing], *Antropologicheskij forum*, 2012, no. 16 online, pp. 61–71. (In Russian).
- Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi Novgorodskogo Sofiyskogo sobora: XI–XIV veka* [Old Russian Inscriptions of the Novgorod Sophia Cathedral: 11th–14th Centuries]. Moscow: Nauka, 1978, 311 pp. (In Russian).
- Murashova N. S., *Staroobryadcheskiy dukhovnyy stikh v kontekste istoricheskoy evolyutsii vnebogosluzhebного dukhovного peniya* [The Old Believer Spiritual Verse in the Context of the Historical Evolution of Non-Ecclesiastical Spiritual Singing]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2019, 371 pp. (In Russian).
- Muravyev A. V., Turilov A. A., 'Varlaam i Ioasaf' [Barlaam and Joasaph], *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Church Science Center "Pravoslavnyaya entsiklopediya" Press, 2003, vol. 6, pp. 619–625. (In Russian).
- Nikitina S. E., *Ustnaya narodnaya kultura i yazykovoё soznanie* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness], 2nd ed. Moscow: Lenand, 2014, 192 pp. (In Russian).
- Nikolaev S. L., "Slovo o polku Igoreve": *rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [The Tale of Igor's Campaign: Reconstruction of a Poetic Text]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, 640 pp. (In Russian).
- Nikolaeva S. V., 'O formule i metriке v starshikh dukhovnykh stikhakh' [About the Formula and Metrics in Old Spiritual Verses], Ivanova T. G. (ed.), *Ryabininskie chteniya — 2015* [Ryabinin Readings — 2015]: Materials of the 7th Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North. Petrozavodsk: The Kizhi Museum Press, 2015, pp. 382–384. (In Russian).
- Orlitskiy Yu. B., 'Stikh "Kalevaly" v russkoy poezii i proze (ot Belskogo i Gorodetskogo do Marshaka i Krusanova)' [The "Kalevala" Verse in Russian Poetry and Prose (From Belsky and Gorodetsky to Marshak and Krusanov)], Mullonen I. I. (ed.), "Kalevala" v kontekste regionalnoy i mirovoy kultury ["Kalevala" in the Context of Regional and World Culture]: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 160th Anniversary of the Full Edition of "Kalevala". Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of RAS, 2010, pp. 73–84. (In Russian).
- Panchenko A. M., 'O rifme i deklamatsionnykh normakh sillabicheskoy poezii XVII v.' [On Rhyme and Declamatory Norms of Syllabic Poetry of the 17th Century], Kholshchevnikov V. E. (ed.), *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Nauka, 1968, pp. 280–293. (In Russian).
- Panchenko A. M., *Russkaya stikhotvornaya kultura XVII veka* [Russian Poetic Culture of the 17th Century]. Leningrad: Nauka, 1973, 280 pp. (In Russian).
- Panchenko A. M., 'Stikhi pokayannye' [Poems of Penance], Likhachev D. S. (ed.), *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Russia]. Leningrad: Nauka, 1989, is. 2: Second Half of 14th — 16th Centuries, pt. 2, pp. 421–423. (In Russian).

- Panchenko F. V., 'O vygovskikh stikhakh virshevogo sklada s napevami' [About Syllabic Verses with Melodies from Vyg], Pigin A. V. (ed.), *Svyatye i svyatyni Obonezhya* [Saints and Shrines of Obonezhye]: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Vodlozerye Readings — 2013". Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2013, pp. 215–224. (In Russian).
- Petrov A. M., 'Ot latinskoy novelly k russkomu dukhovnomu stikhu: iz istorii odnogo folklor'nogo syuzheta' [From the Latin Short Story to the Russian Spiritual Verse: From the History of One Folk Plot], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, series: *Yazyk i literatura* [Language and Literature], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 172–195. doi: 10.21638/spbu09.2020.202. (In Russian).
- Petrova L. A., 'K voprosu ob istokakh rukopisnoy traditsii tsikla stikhov o Varlaame i Ioasafe' [On the Question of the Origins of the Handwritten Tradition of the Cycle of Poems about Barlaam and Joasaph], Kukushkina M. V. (ed.), *Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisnoy i redkoy knigi, 1985* [Materials and Reports on the Funds of the Department of Manuscripts and Rare Books, 1985]. Leningrad: Nauka, 1987, pp. 39–51. (In Russian).
- Petrova L. I., 'O pereizdanii "Sbornika russkikh dukhovnykh stikhov" V. Varentsova (tekstologicheskie zametki)' [On the Reprint of the "Collection of Russian Spiritual Verses" by V. Varentsov (Notes on Textual Criticism)], *Russkiy folklor: materialy i issledovaniya* [Russian Folklore: Materials and Studies]. St Petersburg: Nauka, 1999, vol. 30, pp. 292–301. (In Russian).
- Petrova L. I., 'Dukhovnye stikhi v klassicheskikh sobraniyakh vtoroy poloviny XIX veka (variant ili iskazhenie?)' [Spiritual Verses in Classical Collections of the Second Half of the 19th Century (Variant or Distortion?)], *Russkaya literatura*, 2014, no. 1, pp. 51–64. (In Russian).
- Pozdneev A. V., 'Evolyutsiya stikhoslozheniya v narodnoy lirike XVI–XVIII vekov' [The Evolution of Versification in Lyric Folk Song of 16th–18th Centuries], *Russkiy folklor* [Russian Folklore]. Leningrad: Nauka, 1971, vol. 12: *Iz istorii russkoy narodnoy poezii* [From the History of Russian Folk Poetry], pp. 37–46. (In Russian).
- Shtokmar M. P., *Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya* [Studies in Russian Folk Versification]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1952, 424 pp. (In Russian).
- Skulacheva T. V., 'Metody opredeleniya metra v neklassicheskom stikhe' [Methods for the Identification of Meter in Non-Classical Verse], *Izvestia RAN, Literature and Language series*, 2012, vol. 71, no. 2, pp. 45–54. (In Russian).
- Skulacheva T. V., 'Metody analiza stikha pri neizvestnoy sisteme stikhoslozheniya' [Verse Analysis Methods in an Unknown Versification System], *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 11 (172), pp. 41–46. (In Russian).
- Sokolov Yu. M., 'Vesna i narodnyy asketicheskiy ideal (k istorii dukhovnogo stikha "Razgovor Ioasafa s pustyney")' [Spring and the Folk Ascetic Ideal (Towards a History of the Spiritual Verse "The Conversation of Joasaph with the Desert")], *Russkiy filologicheskiy vestnik*, 1910, no. 3–4, pp. 79–91. (In Russian).

- Taranovsky K., *Ruski dvodelni ritmovi, I–II*. Beograd: Naučna knjiga, 1953, 376 pp. (Srpska Akademija nauka. Posebna izdanja, book 217; Одељење literature i jezika, book 5). (In Serbian).
- Taranovsky K., [Review of] M. P. Shtokmar, 'Issledovaniya v oblasti russkogo narodnogo stikhoslozheniya' [Research in the Field of Russian Folk Versification], *Juzhnoslovenski filolog*, 1955–1956, vol. 21, books 1–4, pp. 335–363. (In Serbian).
- Trubetskoy N. S., 'O metriki chastushki' [About the Metrics of Ditties], Trubetskoy N. S., *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow: Progress, 1987, pp. 371–390. (In Russian).
- Vorontsova E., 'Sovremennoe bytovanie dukhovnykh stikhov v srede starobryadtsev Yuzhnoy Vyatki' [Spiritual Verse in Modern Old-Believer Traditions in the South Vyatka Region], *Antropologicheskij forum*, 2014, no. 23, pp. 38–51. (In Russian).
- Wachtel M., 'Radishchev's "Bova" and Its Place in the History of Russian Folkloric Stylization', *Studia Metrica et Poetica*, 2020, no. 2, pp. 61–89. doi: 10.12697/smp.2020.7.2.04.
- Zaliznyak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniya i slovar* [Old Russian Accentuation: General Information and Dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2014, 728 pp. (In Russian).
- Zhirmunskiy V. M., *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad: Sovetskiy pisatel, 1975, 664 pp. (In Russian).